

УДК 94(430+438+470+476+477);528.921;572.08;902.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/6

Родриг фон Эркерт: прусский дворянин, русский генерал, картограф и этнолог

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Родриг Фёдорович (Георгий (Георг) Гансович) фон Эркерт (Roderich George Friedrich Robert von Erckert) (15.12.1821 – 12.12.1900) – генерал-лейтенант Русской императорской армии, представитель старинного прусского дворянского рода, антрополог, археолог, историк, картограф, этнограф, действительный член Русского Императорского географического общества и член Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории. С 1846 по 1884 г. служил в Русской императорской армии. На русской военной службе стал заниматься научными исследованиями. В 1862 г. в Берлине на французском языке издал в цвете «Этнографическую карту Российской империи». Она вошла в вышедший в этом же году в Санкт-Петербурге альбом Ф.Х. Паули «Этнографическое описание народов России» (*Description ethnographique des peuples de la Russie*), изданный к 1000-летию России. В 1863 г. сначала на французском, затем на русском языке был издан его «Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей». Атлас, вышедший во время польского восстания, показал несостоятельность утверждений о принадлежности данных территорий к Польше. В 1864 г. он выпустил «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России». Во время службы на Кавказе изучал местные этносы. Опубликовал ряд статей: «Антропологические измерения некоторых кавказских народов и малороссов Харьковской губернии» (1881), «Добавление к антропологическим измерениям некоторых кавказских народов» (1881), «Антропологические измерения кавказских народов и описание измеренных субъектов (продолжение)» (1883). После выхода в отставку уехал в Берлин, где продолжал заниматься научными исследованиями. Среди его известных работ на немецком языке: «*Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen*» (Происхождение казаков, в основном, согласно новым российским источникам. Berlin, 1882); «*Ein Kurgan bei Stavropol*» (Курган близ Ставрополя, Berlin, 1883); «*Der Kaukasus und*

seine Volker» (Кавказ и его народы. Leipzig, 1887); «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» (Языки народов Кавказа. Wien, 1895); «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen» (Миграции и расселения германских племён в Центральной Европе от древнейших времён до Карла Великого. Berlin, 1901). В монографии «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes», включавшей «Глоссарий» и «Образцы языка», часть языков была описана впервые. Последнюю работу фон Эркerta – «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa», состоящую из двенадцати карт с сопроводительным текстом, – считают «величайшим трудом его жизни».

Ключевые слова: Родриг фон Эркерт, Roderich von Erckert, западнорусские губернии, Царство Польское, поляки, русские, малороссы, белорусы, русины

Roderich von Erckert: Prussian nobleman, Russian general, cartographer, and ethnologist

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Rodrig Fedorovich (Georg Gansovich) von Erckert (Roderich George Friedrich Robert von Erckert) (December 15, 1821 – December 12, 1900) was a Lieutenant General in the Russian Imperial Army, a cartographer, ethnographer, historian, and a representative of an old Prussian noble family. He was a full member of the Russian Imperial Geographical Society and a member of the Berlin Society for Anthropology, Ethnology, and Prehistory. From 1846 to 1884, he served in the Russian Imperial Army. During his Russian military service, he engaged in cartographic and ethnographic research. In 1862, he published in color in Berlin, in French, the “Ethnographic Map of the Russian Empire.” This map was included in the album by F.H. Pauli, “Description ethnographique des peuples de la Russie,” published in St. Petersburg the same year to mark the 1000th anniversary of Russia. In 1863, his “Ethnographic Atlas of the Western Russian Provinces and Adjacent Areas” was published first in French and then in Russian. Issued during the Polish Uprising, the atlas refuted claims about the Polish affiliation of these territories. In 1864, von Erckert published a Russian-language “A View on the History and Ethnography of the Western Provinces of Russia.” While serving in the Caucasus, he studied local ethnic groups and published a series of articles: “Anthropological Measurements of Several Caucasian Peoples and Little Russians of the Kharkiv Province” (1881),

“Addendum to Anthropological Measurements of Several Caucasian Peoples” (1881), “Anthropological Measurements of Caucasian Peoples and Description of the Measured Subjects (Continuation)” (1883). After retiring, he moved to Berlin, where he continued his research. Among his notable works are: “Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen” (Berlin, 1882); “Der Kaukasus und seine Völker” (Leipzig, 1887); “Die Sprachen des Kaukasischen Stammes” (Vienna, 1895); “Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen” (Berlin, 1901). His monograph *Die Sprachen des Kaukasischen Stammes*, which included a “Glossary” and “Language Samples,” provided the first descriptions of several languages. His final work, *Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa*, containing twelve maps with accompanying text, is considered “the greatest work of his life.”

Keywords: Roderich von Erckert, Western Russian provinces, Kingdom of Poland, Poles, Russians, Little Russians, Belarusians, Rusins

В ряду исследователей населения Восточной Европы, в частности поляков, русских, малороссов, русинов, белорусов, а также народов Кавказа, значительное место занимает личность **Родрига Фёдоровича (Георгия (Георга) Гансовича) фон Эркерта (Roderich George Friedrich Robert von Erckert)** (15.12.1821 – 12.12.1900)¹ – генерал-лейтенанта Русской императорской армии, антрополога, археолога, историка, картографа, этнографа, действительного члена Русского Императорского географического общества и члена Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории [71; 83–85; 87]. 38 лет его службы в Русской императорской армии² пришлось на правление трёх императоров: Николая I, Александра II и Александра III. По военному ведомству он проходил как Георгий (Георг) Гансович фон Эркерт. Свои исследования на русском языке подписывал, как Родриг Фёдорович фон Эркерт (Р.Ф. фон Эркерт, либо Р.Ф. Эркерт), на немецком – Roderich von Erckert (R. von Erckert).

Подробные сведения о жизни и семейном положении фон Эркерта отсутствуют. Краткая информация о нём и его исследованиях приведена в небольших некрологах, написанных в немецких научных изданиях [76; 83; 87], кратких биографических заметках в ряде энциклопедий [71; 84]. Его военная карьера сжато изложена в «Списках генералам по старшинству (см., напр., [64]), «Списках полковникам по старшинству» (см., напр., [65]), информация о присвоении званий, назначениях, награждениях, отпусках, поощрениях содержится в газетах «Русский инвалид» (см., напр., [25–37; 39; 41–54]) и «Сенатские ведомости» (см., напр., [56–62]). О некоторых его

Р.Ф. фон Эркерт. 1885 г.

Фотография: Левицкий и сын, Санкт-Петербург.

Источник: Erckert, Roderich v. Fotosammlung des Geographischen Institutes der Humboldt-Universität zu Berlin. URL: https://www.geographie.hu-berlin.de/de/institut/direktorium_zentraledienste/zentrale_dienste/geodaten/kartensammlung/PFS/bfhtml/BFP078 (Дата обращения: 11.09.2025).

работах упоминают современные исследователи (см., напр., [8–9; 13–14; 22–23; 73–74].

Он родился 15 декабря 1821 г. в Кульме, Королевство Пруссия (ныне – г. Хелмно Куявско-Поморского воеводства Польши). Происходил из старинного прусского дворянского рода. На службе в прусской армии (офицер)³ с 15 декабря 1838 г. [64; 65]. Уволенный из королевско-прусской службы⁴ подпоручик фон Эркерт был принят 14 июня 1846 г. приказом императора Николая I по военному ведомству подпоручиком в Гренадёрский его Императорского высочества Великого князя Михаила Павловича полк [25]. К сожалению, причина перехода фон Эркerta на

службу в русскую армию неизвестна. 26 февраля 1849 г. он произведён в поручики того же полка [26].

4 апреля 1854 г. произведён из подпоручиков в поручики Лейб-гвардии Московского полка (в «старой» гвардии чины были на два класса выше, чем в армии. – С.С.) [27]. 6 декабря 1854 г. – в штабс-капитаны при оставлении в той же должности [28].

30 августа 1861 г. произведён в капитаны Л.-гв. Московского полка, тоже с оставлением в настоящей должности [29]. 19 мая 1863 г. становится полковником Л.-гв. Московского полка [30; 65]. В этом

полку фон Эркерт прослужил с 1849 по 1863 г. [63: 48]. 27 декабря 1863 г. полковник Л.-гв. Московского полка фон Эркерт переводится в 11-й Стрелковый батальон [32]. 29 марта 1864 г. полковник фон Эркерт назначен командиром 1-го Резервного стрелкового батальона [35]. 7 мая 1866 г. он становится командиром Дорогобужского 143-го пехотного полка. В полк так и не прибыл и 27 мая того же года стал командиром 86-го пехотного Вильманstrandского полка [12: 9; 39]. Полком командовал до 14 августа 1872 г. [21].

14 августа 1872 г. фон Эркерт назначен командующим 2-й стрелковой бригады [45]. 17 апреля 1873 г. ему присваивается звание генерал-майора с утверждением в настоящей должности [46; 64].

Летом 1874 г. инспектором стрелковых генералом от артиллерии герцогом Георгом Августом Мекленбург-Стрелицким и его подчинёнными были проинспектированы все стрелковые батальоны, за исключением 4-х Туркестанских. Несмотря на убыль из батальонов «старослужащих грамотных чинов», молодые солдаты прошлого года набора показали хорошие результаты. Проверялись цельная стрельба нижних чинов, глазомерное определение расстояний, гимнастика и фехтование (штыковой бой. – С.С.), а также грамотность. Она составила в среднем 71 % от списочного числа. Во 2-й стрелковой бригаде – 78 %. Бригада три года подряд давала высокие показатели и по стрельбе. За что фон Эркерт получил благодарность [48].

14 сентября 1874 г. генерал-майор фон Эркерт был назначен начальником 1-й Стрелковой бригады [47]. В октябре 1878 г. он выступил на заседании Военно-учёного комитета Главного штаба с составленными им «краткими заметками о совокупном действии пехоты с артиллерией» [49]. По результатам смотров стрелковых частей в войсках, произведённых 1880 г. император объявил фон Эркерту монаршую благодарность [52].

С 11 апреля 1881 по 2 сентября 1882 г. фон Эркерт – командующий 19-й пехотной дивизией. Со 2 сентября 1882 г. – командующий 21-й пехотной дивизией. 15 мая 1883 г. фон Эркерт был зачислен в запас армейской пехоты [53; 71]. Тогда же ему было присвоено звание генерал-лейтенанта [71]. 8 июня 1884 г. состоящий в запасе армейской пехоты генерал-лейтенант фон Эркерт отправлен в отставку по болезни с мундиром и пенсией полного оклада [54].

После выхода в отставку фон Эркерт переехал в Берлин. Умер от гриппа 12 декабря 1900 г. незадолго до своего 79-летия [76].

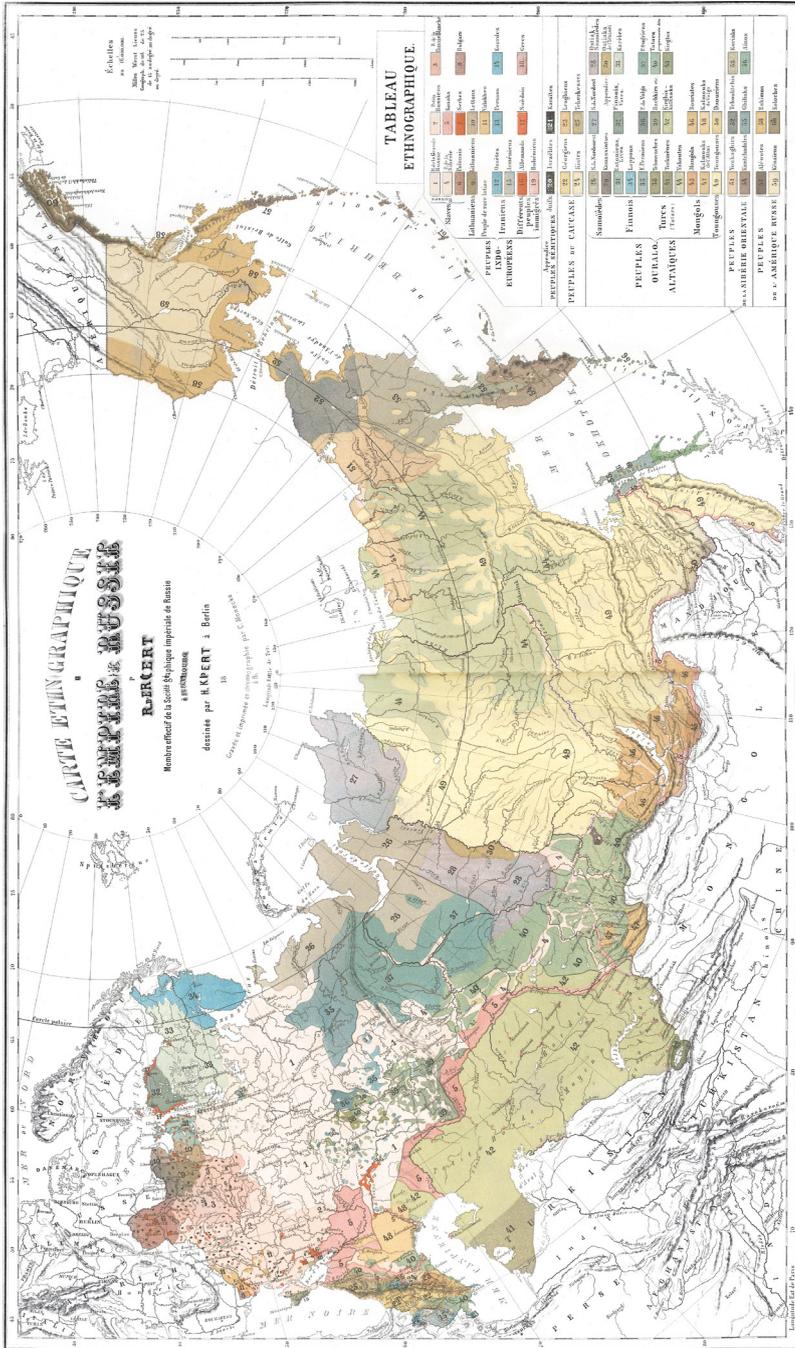
Служа в русской армии, фон Эркерт постоянно посещал Пруссию и другие страны. О чём свидетельствуют приказы о его увольнении в отпуск. К примеру, от 1 июня 1863 г. за границу, в Берлин, на

15 дней; от 20 сентября 1865 г. в отпуск для излечения болезни за границу, в Германию и Францию на 2,5 месяца; от 17 июня 1867 г. в отпуск за границу, в Австрию и Пруссию на 28 дней; от 6 августа 1867 г. продолжается срок отпуска за границу ещё на 10 дней; от 5 сентября 1869 г. в отпуск за границу, в Пруссию и Австрию на 28 дней; от 13 июля 1879 г. в отпуск за границу, в государства Западной Европы на шесть недель [31; 36; 41; 42; 44; 50].

За годы службы фон Эркерт был награждён российскими орденами Св. Станислава 3-й ст (1856), Св. Анны 3-й ст (1862), Св. Станислава 2-й ст. с императорской короной (1865), Св. Анны 2-й ст. (1868), Св. Владимира 4-й ст. (1870), знаком императорского ордена Св. Анны 2-й ст., украшенным императорской короной (1872), Св. Владимира 3-й ст (1876), Св. Станислава 1-й ст. (1879). Прусскими: Короны 2-й ст. (1866), звездой к ордену Короны 2-й ст. (1875), Красного Орла 2-й ст. (1869), бриллиантовыми украшениями к ордену Красного Орла 2-й ст. (1872) и звездой к ордену Красного Орла 2-й ст. (1879) [37; 43; 51; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 64; 65; 71].

На русской военной службе фон Эркерт стал заниматься антропологическими, археологическими, историческими, картографическими и этнографическими исследованиями.

В 1862 г. в Берлине на французском языке была издана в цвете «Этнографическая карта Российской империи» («Carte Ethnographique de l'Empire de Russie») фон Эркерта [86]. Она вошла в вышедший в этом же году в Санкт-Петербурге на французском языке в двух частях роскошный альбом Густава-Фёдора Паули⁵. «Description ethnographique des peuples de la Russie» (Этнографическое описание народов России), изданный к 1000-летию России и посвящённый императору Александру Николаевичу [89–90]. Издание было выпущено при содействии полковника фон Эркерта и ряда известных учёных. Предисловие написал академик К. Бэр. В альбоме подробно описаны положение и отличительные черты большинства этносов Российской империи. Сами этносы были сгруппированы по их происхождению и географическому положению. Сочинение состояло из следующих разделов: I. Народы-Индоевропейские; II. Кавказские народы; III. Урало-Алтайские народы; IV. Народы Восточной Сибири; V. Народы Российской Америки. Эти разделы, в свою очередь, делились на главы, каждая из которых была посвящена отдельной народности. Издание содержало 62 хромолитографированных рисунка, изображающих народные типы и костюмы, которые были выполнены с натуры известными художниками и отпечатаны в Париже, Берлине и Мюнхене. К изданию прилагались краниологическая таблица с изображением черепов основных ти-

«Carte Ethnographique de l'Empire de Russie par R. von Erckert» [86] из «Les peuples de la Russie. Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'empire de Russie. 1: [Tome 1]» [89].

пов, этнографическая и статистическая таблицы и этнографическая карта Российской империи, выполненная фон Эркертом. Книга была отпечатана на веленовой (высокосортной) бумаге [19; 34].

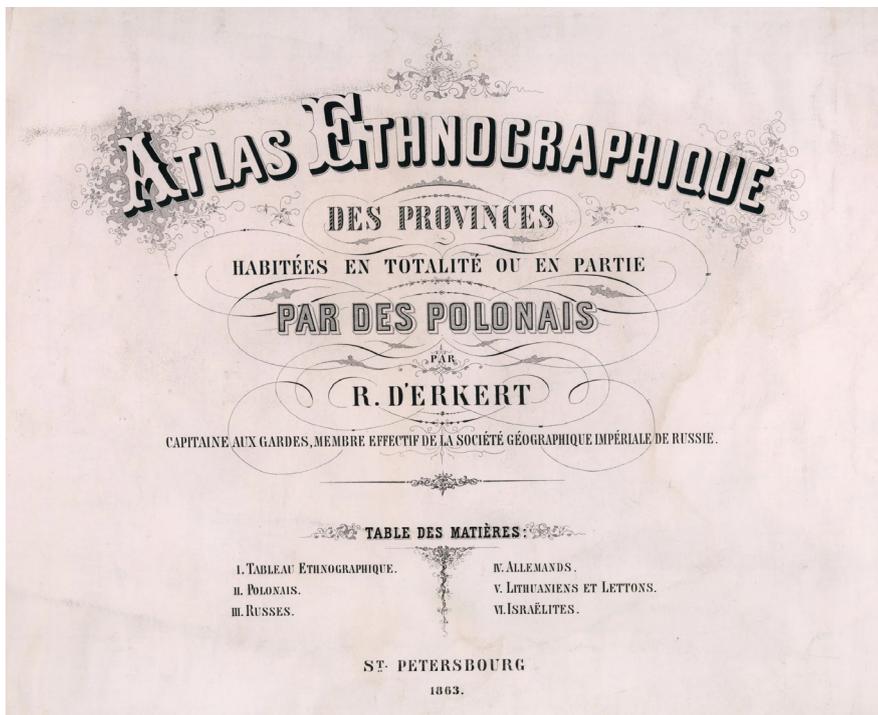
Как писал один из критиков, перечислив «все существующие в этом отношении труды», «появление сочинение г. Паули тем приятнее, что до сих пор изучение племён Российской империи в отношении их обычаев, хозяйственного быта и пр. было весьма поверхностно» [1: 10]. Он выразил сомнения в правильности «принятой г. Паули и его сотрудником г. Эркертом системе» распределения 27 языков по указанным группам [1: 17]. Говоря об этнографической карте России, изданной известным берлинским картографом Кипертом, критик отметил, что он «на этот раз работал небрежно». Имея в руках «весьма хорошее основание для Европейской России в карте Кёппена и употребив всё старание на собрание материала, необходимого для Сибири и Кавказа, назначили для всего этого огромного пространства слишком незначительный масштаб» [1: 19].

Весной 1863 г. фон Эркерт издал на французском языке «Atlas ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais» («Этнографический атлас провинций, населённых полностью или частично поляками») [75] и его версию на русском языке – «Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей» [72]. Карты были отпечатаны в Берлине, в типографии и литографическом предприятии «Винкельманн и сыновья». Некоторые исследователи считают, что «Этнографический атлас» фон Эркерта был ответом на вышедшую в Париже в 1861 г. «Carte de l'ancienne Pologne: avec les délimitations actuelles» (Карту бывшей Польши: с указанием современных границ), составленную французским географом Огюстом-Анри Дюфуром и польским историком Феликсом Вротновским. В 1863 г. эта карта была переиздана [9: 66; 17: 487].

Атласы фон Эркерта вышли в разгар польского восстания и сыграли свою роль в информировании западноевропейской и российской общественности об ареале расселения различных этносов, в т. ч. и поляков, на территории Царства Польского и 10 западных губерний, показав несостоятельность мечты о Великой Польше, выраженной в националистическом лозунге «Polska od morza do morza» (Польша от моря до моря).

Как писала газета «Русский инвалид», «благодаря отчасти усилиям самих русских, а отчасти и правдолюбию некоторых иностранцев, имевших случай ближе узнать Россию и вникнуть в её вековой спор с Польшей, иностранцы имеют в настоящее время немало средств к уяснению себе последнего. Между прочим, недавно появилась в Париже, у книгопродавца Данту, брошюра:

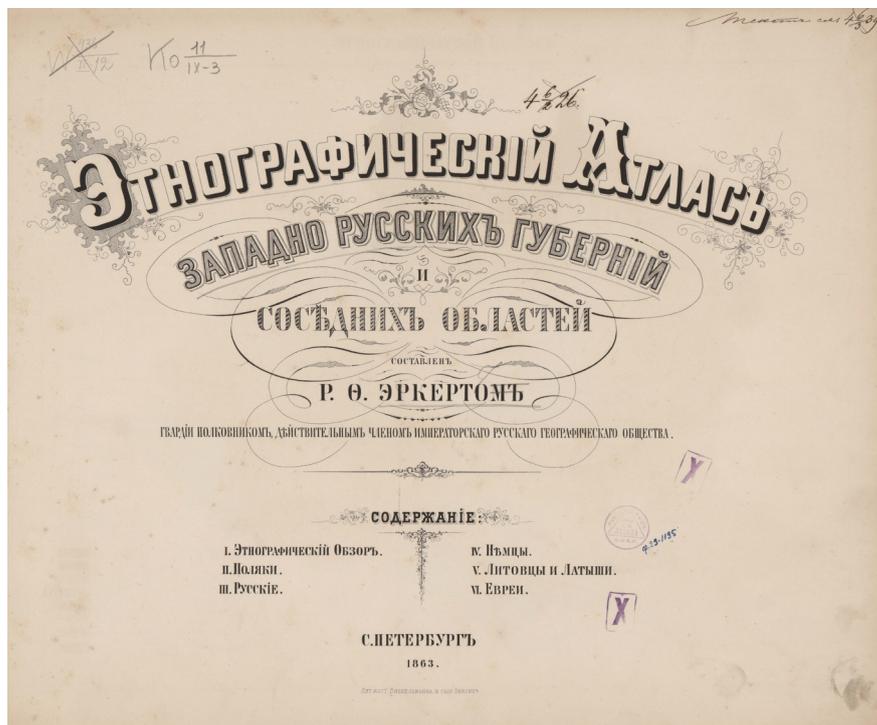
La Restauration de la Pologne, appréciée au point de vue de la science historique et ethnographique (Восстановление Польши, рассмотренное с точки зрения историко-этнографической науки. – С.С.) (Paris, 1864), особенно замечательная тем, что почтенные авторы её, гг. де М. и Обрихт, приложили к ней общую этнографическую карту, составленную г. Эркертотом, всех стран, в которых обитают поляки и на которые они предъявляют свои притязания, и привели все этнографические данные для разъяснения вопроса с точки зрения национальностей. Как известно, притязания поляков, с этой точки зрения, оказываются совершенно несостоятельны, так как в западном крае России их не насчитывается и одной десятой в целой массе населения, а русских в нём с лишком в 5 раз больше, чем поляков (53 против 10). “Неужели же, говорит брошюра, можно допустить притязания поляков на этот край, занимающий 439 178 квадратных вёрст и довольно населённый, когда их не оказывается и 2,8 на версту, а в некоторых губерниях даже и 0,5 и 0,8? Отче-

Титульный лист «Atlas ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais» [75].

го же бы не от дать его в таком случае евреям, которые все-таки несколько многочисленнее тут, чем поляки, которые поселились одновременно с ними и которые, во всяком случае, трудолюбивее и же способны к преуспению, чем выродившаяся польская шляхта?» Затем брошюра обращается к обсуждению польских притязаний с исторической точки зрения, и напомнив главные моменты в истории восточной Руси, Литвы и Польши, особенно подробно знакомит своих читателей с тем, как состоялась Люблинская Уния (1569 г.), как представители Литовской Руси всячески защищались против теснейшего соединения с Польшей, как король Сигизмунд Август присоединил сначала к Польше Полесье (западную часть Гродненской губернии), потом Волынь и наконец Киев, и как вообще несообразно с историческою истиной толковать о *братском* соединении Литвы с Польшей» [33].

В «Этнографических атласах» несколько отличаются данные по численности польского, русского и литовско-латышского населения в Царстве Польском и 10 губерниях. В варианте атласа на русском

Титульный лист «Этнографического атласа западнорусских губерний и соседних областей» [72].

языке в Царстве Польском численность поляков дана на 50 тыс. меньше, русских – на 20 тыс. больше, литовцев и латышей – на 30 тыс. больше. В этом же варианте также допущены чисто математические ошибки при сведении численности польского, русского, литовского и латышского населения 10 губерний. Она тоже изменена на приведённые выше значения. Как позже признал автор, в русском варианте атласа в данных о количестве поляков в 10 западных губерниях (Курляндской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Миской, Витебской, Могилёвской, Волынской, Киевской, Каменец-Подольской) вкралась опечатка. Вместо 1 220 000 следует читать 1 270 000 [69: 57].

В «Этнографическом обзоре. Т. I» полковник Р.Ф. Эркерт для разъяснения карты, на которой показаны ареалы расселения на данной территории самых многочисленных этносов, разместил этнографическую и статистическую таблицу, где привёл сведения об их численности. По приблизительным данным 1858 г., опубликованным статистическим комитетом и находящимся в отчётах Духовного ведомства, в Царстве Польском, Курляндской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилёвской, Волынской, Киевской, Каменец-Подольской губерниях проживало, без учёта воинских контингентов, 15,6 млн чел. Среди них поляков было 4,78 млн чел, русских – 6,69 млн чел., немцев – 330 тыс. чел., литовцев и латышей – 1,98 млн чел., евреев – 1,761 млн чел., других национальностей – 59 тыс. чел. В Царстве Польском проживало 4,8 млн чел., из них поляков – 3,51, русских – 240 тыс., столько же немцев. Литовцев и латышей – 215 тыс., евреев – 595 тыс. чел и 500 чел. др. национальностей. Он отметил, что в австрийской Галиции проживало 4,625 млн. чел., из них поляков – 1,925 млн, русских – 2,15 млн чел. [72].

В примечании к этнографической карте «Поляки. Т. II» он писал, что «в губерниях, где поляки смешаны с русскими, ничто с такою верностью и определённостью не обозначает границ между этими двумя национальностями как различие их вероисповеданий, таким образом почти без исключения, все славянское население в означенных выше областях, исповедующее римско-католическую веру, должно считаться польским, все славянское население исповедующее греко-российскую веру – русским населением». Фон Эркерт упомянул, что хоть поляки и уступают в численности в западнорусских губерниях, они представляют здесь «самый жизненный и влиятельный национальный элемент». Объясняет это автор тем, что это все эти области долгое время входили в состав Польского королевства и «в настоящее время почти все поземельные владельцы, фер-

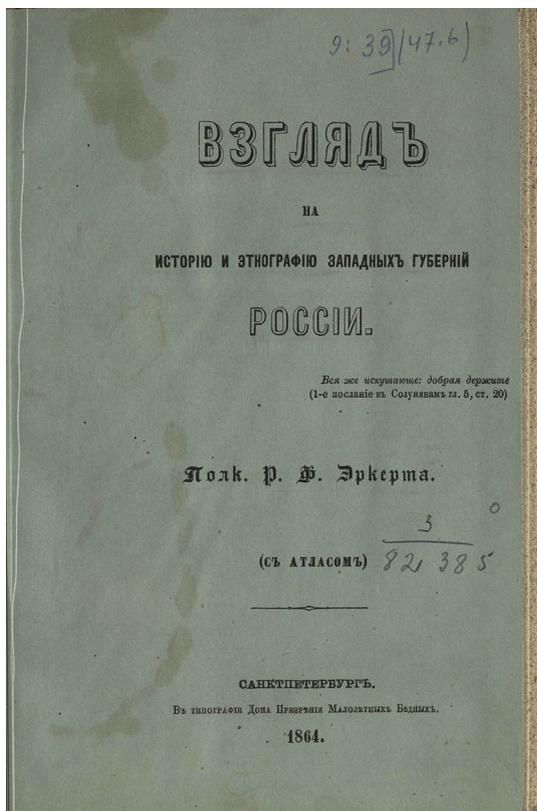
меры, управители, все непосредственно окружающие поземельных владельцев, многие из ремесленников и рабочего класса и проч. – поляки». Говоря о Галиции, исследователь подчеркнул, что её западная часть находится в тех же условиях, что и восточная часть Познани, где преобладают поляки, а восточная часть Галиции – с соседними русскими областями. Исследователь считал, что «численность польского народонаселения в западных губерниях России и в Пруссии, скорее преувеличена, чем уменьшена» [72].

В примечании к карте «Русские. Т. III» фон Эркерт отметил, что «русские (малороссы, белорусы и рассеянные между ними в каждой губернии по несколько тысяч великорусов или собственно русских) в областях, обитаемых частью поляками, отличаются от последних равно и от литовцев языком, а в особенности своим вероисповеданием (православием). Долговременное политическое господство поляков и влияние римско-католической религии совершенно уничтожили в этих областях национальность древнего русского дворянства, которое уже давно присвоило себе, вместе с католическим исповеданием, польскую национальность. Народ, т. е. большая масса поселян, всегда оставался русским и польское влияние, бывшее столь могущественным во многих отношениях в течение нескольких столетий, должно было ограничиться введением унии в тех областях прежнего Польского королевства, которые населены русскими. В 1839 году уния уничтожена и последователи её присоединились к греческой церкви. Только русские (малороссы или русины, рутены, русняки) Люблинской губернии, ровно и Галиции, и Венгрии одни остались ещё униатами» [72].

В исследовании «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России (С атласом)», вышедшем в 1864 г., полковник фон Эркерт даёт разъяснение своего атласа и отстаивает свою точку зрения о правильности определения национальной принадлежности русского и польского населения по вероисповеданию [69]. Его работа вышла после появления «Атласа народонаселения западно-русского края по исповеданиям» А.Ф. Риттиха. Фон Эркерт писал, что «ничто в западных губерниях России не определяет черты, отделяющей русскую народность от польской, так отчётливо и правильно, как различие вероисповеданий». Он считал, что «если за основание деления принять один только язык, то численное отношение между русскими и поляками немало изменилось бы в пользу русского населения и в ущерб польского. Распределение на основании одного только языка весьма важно и занимательно во многих отношениях, но когда дело идёт о существенном и практическом понимании настоящего порядка вещей и ближайшей будущности касательно

различия между русской и польской народностью, то упомянутое деление относительно имеет менее важное значение. Если мы совершенно беспристрастно спросим себя, кто вообще в тех местностях русский и кто поляк, то едва ли не придётся принять наш взгляд. Исторический ход событий наложил во всех отношениях на русское население западных губерний положительно чуждый тип, который резко отличается от коренной, всецело русской народности, и чем более мы углубимся в изучение этого исторического хода, тем более мы узнаем, к каким средствам поляки прибегали в течение нескольких веков, в особенности же с шестнадцатого столетия, для того, чтобы уничтожить, т. е. ополячить беспомощную русскую народность. Поэтому находящиеся перед нами наяву, как нам кажется, результаты таких последовательных действий поляков вполне согласуются с ходом истории. Нам кажется невозможным верить в историю прошедшего и в тоже время отвергать неизбежные её последствия в настоящем. Предоставляем каждому произнести окончательный приговор, сообразно его собственным целям и по его собственному разумению. Мы со своей стороны не хотим предрешать этот вопрос, а только намерены показать вкратце, *кто* в прежнее время были обитатели западных губерний, *чем* они сделались в течение нескольких веков, *почему* они стали такими, и *чем* мы их считаем в настоящее время» [69: 6–7].

Фон Эркерт считал, что может судить об этом «гораздо спокойнее и беспристрастнее», т. к. он не принадлежал ни к польской, ни

Титульный лист исследования Р. фон Эркерта «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» [64].

русской народности, ни к католическому, ни православному вероисповеданию и у него нет ни служебных, ни социальных, ни материальных интересов в западных губерниях. С западными губерниями он познакомился «в течение трёхкратного, довольно продолжительного пребывания в том крае в звании офицера». Автор, «давно уже занимаясь вообще этнографией России, а, в особенности, западных губерний», полагал, что «теоретические занятия, по возможности, должны идти рука об руку с наблюдениями живой действительности, иначе мы подвергаемся опасности принимать за действительные факты полуистинные исторические выводы и патриотические желания» [69: 4–5].

Исследователь посчитал необходимым, помимо «кратких замечаний, сообщаемых к каждой отдельной карте» приложить к атласу «особый краткий текст для того, чтобы рядом с некоторыми пояснениями и правками указать точку зрения автора». Этот текст, по его мнению, «должен вкратце изложить историческое развитие, вследствие которого западные губернии России, прежде почти исключительно населённые русскими, в течение нескольких веков до известной степени подверглись польскому влиянию, пока наконец недавно настала сильная и успешная реакция в пользу подавленной русской народности» [69: 4].

В разделе «Взгляд на историю Западной России» он излагает историю польской и русской государственности, пишет что набеги монголов «повлекли за собою распадение России на восточную и западную (распадение, которое вскоре, вследствие влияния литовцев, а потом поляков, становилось все сильнее) и тогда в России стали выделяться три главные группы: великорусов, малорусов и белорусов» [69: 19].

Со времени правления Гедимины (1320–1345), «который впервые принял титул великого князя Литовского и Русского и господствовал на юго-восток до Днепровских порогов, история западной России в течение нескольких столетий была тесно связана с историей Литвы, как история великого княжества Литовского или Литовской Руси. Одна только Галиция была непосредственно занята Польшей уже при короле Казимире в 1350 году, но окончательно сделалась польскою областью лишь в 1351 и 1352 годах, после упорной борьбы, поддержанной литовско-русскими вассальными князьями из дома Гедиминова. Той же участи подверглась западная Волынь в 1366 году. Господство литовцев освободило юго-западную Русь от монгольской зависимости...». Литовские князья стали уже в XIII в. «употреблять русский язык в делопроизводстве», на нём писались законы. Литовские князья, «которые часто женились на русских

княжнах, составляли господствующую династию и сообщили своё имя русской стране (а также и русскому народу, который ещё до сих пор в некоторых местностях называет себя литвой). Литовская аристократия подверглась сильному влиянию русской народности, вследствие браков с русскими и посредством принятия греческого вероисповедания, русского языка и русского образования. Великое княжество Литовское состояло, в особенности со времён Гедимина, из сравнительно очень небольшой части литовцев, большинство населения составляли русины. Выражение “Литовская Русь” в противоположность “Московской Руси” как нельзя лучше и точнее определяет различие и позднейшую противоположность политического и национального развития русского элемента в той и другой группе» [69: 20–22].

Пресечение династии Пястов привело к браку между великим литовским князем Ягайло и польской принцессой Ядвигой, и к первому соединению обоих государств. Принятие Ягайло вместе с короной и католичества стало первым важным актом более тесной связи между двумя государствами. Объединение и позднейшее влияние Великого княжества Литовского (запада Руси, Литовской Руси) привело к тому, что Западная Русь не стала связующим звеном между востоком (Москвой) и западом (Польшей). «Напротив, поляки насильно сделали её враждебным членом между собою и русским востоком, членом, который со всеми своими богатыми средствами и силами существовал, по-видимому, только для того, чтобы сделаться жертвой полонизма и католицизма, а в особенности для того, чтобы властолюбиво последнего служить орудием против греческой церкви. То, что в национальном, а затем, и в политическом отношении спасло восточную Русь от монголов, т. е. основанная на религии народность (нашедшая последнее своё убежище у духовенства и в монастырях), то самое подверглось на западе самым жестоким и энергическим гонениям со стороны поляков, вопреки всем принципам истинного христианства. Таким образом, основано было, правда, *могущественное королевство*, в котором *многие* властвовали и получали высшее образование, но не было создано *прочного* государства, которое развивало бы из себя свежие, плодотворные зародыши и создало бы из всего народа одну нацию». По мнению фон Эркерта, «единство и централизация управления, основанные на единстве народности и веры, которого домогались поляки, были именно небылицей, потому что на деле такого единства народности и веры вовсе не было; их нужно было сперва ввести силою» [69: 22–24].

После окончательного свержения монгольского ига «Москва последовательно, хотя и не с одинаковым успехом, продолжает осу-

шествовать свой принцип воссоединения всех русских племён в одно однородное целое». Причём вопрос о перевесе одного государства над другим зависел «от господства над русским западом». С одной стороны, господство над западной частью России необходимо для существования России, с другой – «без Западной России немыслимо самостоятельное Польское королевство». История Польши, как самостоятельного государства «есть история Западной России». Изгнания поляков из Москвы и присоединения к Москве малорусской области на левом берегу Днепра даёт Московскому царству перевес [69: 24–25].

Пока Ягайло царствовал в Польше, Великое княжество Литовское «находилось под властью его родственника и вассала Витольда, который хотя и не был враждебно настроен против русской народности, но фактически вредил ей вследствие разных обстоятельств, а в особенности по настоянию Ягайло и католического духовенства». Витольд позволил поселиться в княжестве немцам, татарам, евреям и караимам. При нём также начался приток польского населения. Поляки получали при Витольде землю и привилегии, которые не имело русское население. В это же время начался переход литовцев-язычников в католицизм. Победа над Тевтонским орденом при Танненберге в 1410 г. сблизила оба государства и привела в 1413 г. к их объединению на сейме в Городле [69: 25–27].

Политические решения Сейма стали катализатором церковного обособления 1415 г. Тогда по инициативе князя Витовта на соборах в Новогрудке было официально провозглашено отделение Киевской митрополии от митрополита Киевского и всея Руси в Москве. «Этот шаг облегчил и некоторым образом подготовил позднейший церковный раскол посредством религиозной унии», которая была принята в 1596 г. на соборе в Бресте. Слияние Великого княжества Литовского с Польшей завершилось на Люблинском сейме в 1569 г. «Начавшаяся при Витольде борьба полонизма против русизма и католической церкви против греческой, со смертью его (в 1430 году) быстро приняла характер крайнего ожесточения, которым она отличалась и впоследствии. Борьба эта, даже после решительного торжества руссизма и греческой церкви, ныне ещё, хотя и безуспешно, продолжается с таким же ожесточением, что конечно должно повлечь за собою только быструю погибель самих поляков» [69: 29].

Введение Магдебургского права, продолжил фон Эркерт, «массами влекло поляков в города Великого княжества Литовского». Литовский статут, основанный на древнем русском праве, содержал много новых положений, добавленных литовцами и поляками.

Бояре уже в начале XV в. стали превращаться в шляхту. В 1470 г. Казимир предпринял реорганизацию Малороссии по польскому образцу. На Люблинском сейме в 1569 г. Великое княжество Литовское было окончательно присоединено к Польше, южная его часть, юридически постиравшаяся за левый берег Днепра, стала частью Польши. Белоруссия, «отчасти вследствие прежнего своего отделения от Киева, и нравственно и физически более слабого населения, отчасти и потому ещё, что она более, чем Малороссия, была театром литовских и польских войн, пришла с Польшей, так сказать, в более близкое национальное соприкосновение, нежели Малороссия». Поляки ополячили западных белорусов, но жители восточной Белоруссии (Витебской и Могилёвской губерний) ещё до сих пор называют себя белорусами [69: 30–35].

Появившиеся во время Люблинской унии в Великом Литовском княжестве иезуиты усилили «враждебные действия католической церкви против православной». При введении унии русское дворянство в Литве и Малороссии, а также литовская шляхта и простой народ стали выступать в защиту своей веры, «но не прошло и полстолетия, как аристократия сама приняла католицизм, который ежедневно делал новые успехи и мало-помалу вытеснил почти бесследно протестантизм», который нашёл было «сильных защитников в Радзивиллах, Потоцких и т. д., и притом получил свои собственные церкви». Автор отметил, что «под влиянием унии и польских нравов, помещик не питал ни малейшего сострадания к подвластному ему крестьянину, который и по религии, и по языку, был теперь для него чужим человеком». Сопrotивление «несчастливого простого русского народа, оставленного и подавленного высшими классами, было только страдательное и притом ослабевало всё сильнее, особенно в Литве и на Волини». Конечно и положение крестьян в Великой России в то время тоже было незавидно, однако здесь «гнёт помещика не сопровождался религиозным и национальным презрением» [69: 32, 35–39].

С прекращением династии Ягеллонов (1572), Польша стала «чисто избирательным государством». Это, как считал фон Эркерт, «без сомнения, была первая причина её неизбежного падения, которое, правда, было удержано на время некоторыми замечательными личностями, вроде Батория и Собеского, но не могло быть совершенно устранено». При слабом Сигизмунде III началось «быстрое внутреннее распадение Польши». В 1648 г. гетман Хмельницкий призвал казаков на войну за независимость против Польши. С 1651 г. Хмельницкий положил «первое начало присоединению Малороссии к Великой России». В 1654 г. он лично присягнул на верность

царю Алексею Михайловичу, за ним последовало жившее по обеим берегам Днепра население Малороссии. По Виленскому договору 1656 г. Малороссия и часть Белоруссии досталась Великой России. Но борьба после смерти Хмельницкого в 1657 г. «уничтожила значение этого договора». Андрусовский мир 1667 г. утвердил за Россией область на левом берегу Днепра и Смоленск с окрестностями. Киев был уступлен России в 1686 г. [69: 40–43].

Фон Эркерт обратил внимание на то, что это разделение Малороссии «чрезвычайно повредило малорусской народности», той части территории, которая была присоединена к Польше и лишь в 1793 перешла к России. «Оно окончательно завершило заметное ещё поныне различие между настоящими малорусами и русинами в губерниях Подольской и Киевской» [69: 43].

Падение польского государства совершилось окончательно при королях из Саксонского дома Августе II и Августе III. Со времён Петра Великого русские цари стали управлять судьбами Польши [69: 44]. «Верховное управление и законодательная власть сосредоточивались в руках сейма, т. е. многочисленного собрания из депутатов от дворянства и шляхты различных провинций, собрания, решавшего вопросы о войне и мире, о взимании податей, издании новых законов, одним словом, все дела Речи Посполитой. На принятие какого-нибудь изменения закона требовалось единогласное решение всех депутатов. Известное *liberum veto*, т. е. право уничтожать всякое решение словами “*nie pozwalam*” делало из сейма какую-то пародию на государственное правление. Таким образом управление королевством зависело от необузданной воли сильнейших страстей. Магнаты, перевес которых правил государством, были многочисленны и богаты, и владели почти всеми государственными имуществами. Они жили с царскою пышностью в своих укреплённых замках, содержали на жалованье войска, часто воевали между собою и имели сильное влияние на провинциальные сеймы. Хвалёная свобода поляков состояла, по большей части, только из необузданного и безнаказанного своеволия нескольких тысяч деспотов, между тем, масса народа почти совершенно изнемогала под гнётом барщины и разных тягостей» [69: 44–45].

После смерти Августа III поляки захотели иметь короля, выбранного из династии Пястов. Образовалось две партии. Одна искала поддержки у России, другая – у Франции. Россия подержала кандидатуру Станислава Понятовского. Были восстановлены права диссидентов. Сейм подал голос против диссидентов. Король попросил посредничества России, чтобы при помощи нового сейма защитить права диссидентов. Это привело к образованию конфедерации в

Баре (Подолия) и началу кровавой войны, «которая способствовала полной деморализации Польши и довела её до совершенного изнеможения» [69: 47].

Далее он пишет, что три соседние державы Россия, Пруссия и Австрия в 1772 г. разделили Польское королевство в первый раз. России досталась собственно Белоруссия (Витебская и Могилёвская губернии), Пруссии – восточная часть Померании без Данцига и лежащая вдоль Нетцы часть Великой Польши (Западная Пруссия и Нетцкий округ), Австрия получила Галицию. Шляхта создала в Тарговицах конфедерацию и объявила установленные с Россией законы недействительными и провозгласила новое государственное устройство. Противники конфедерации обратились к защите к России. В 1793 г. в Гродно был созван общий сейм, в результате чего произошёл новый раздел Польши. Россия получила Минскую (с Дисненским уездом, но без Новогрудского), Киевскую и Подольскую губернии и лежащую к востоку от Горыни часть Волыни. Пруссии досталась Великая Польша с Данцигом и Торном [69: 47–48].

В 1794 г. произошло восстание под предводительством Т. Костюшко, «мощная рука Суворова подавила эту отчаянную попытку». Это привело к третьему разделу Польши в 1795 г. Россия получила Ковенскую, Виленскую и Гродненскую (без Подлясья) губернии, Австрия – Краковское, Сандомирское и Люблинское воеводства, Пруссия – все остальное с городом Варшава. В 1807 и 1809 гг. Наполеон I возродил Польское королевство, образовав из него Великое герцогство Варшавское, вошедшее в состав Рейнского союза и принявшее участие в походе французской армии против России в 1812 г. В 1813 г. герцогство было занято русскими войсками и в 1815 г. перешло под управление России в тех пределах, которых оно до сих пор принадлежит ей. Остальные западные и южные части достались Пруссии и Австрии. Из большей части Великого герцогства Варшавского император Александр I создал т. н. Царство Польское [69: 48–49].

Автор напомнил, что «не прошло и пятнадцати лет, как Польша, под скипетром русского монарха, достигла высокой степени материального благосостояния и административного совершенства. Варшава во всех отношениях сделалась значительным городом. Но как в предшествовавшие столетия польское дворянство, следовательно значительное меньшинство нации, своими беспорядками и внутренними раздорами, сделалось причиною отделения от Польши первоначально русских областей (Малороссии и Белоруссии) и включения их в состав России, и таким образом привело Польшу на край политической гибели, так и теперь дворянство не понимало

своего положения и влияния, и предавалось только мечте сделать из Польши независимое государство». Стали появляться тайные общества, «в особенности между молодыми людьми и по исключительным подстрекательствам военной молодёжи». Поляки дома и за границей стали распускать слухи о жестоком управлении русских. «Возмущение, открывшееся в Варшаве в ноябре месяце 1830 года, постепенно, вследствие нерешительности русской и отчасти присоединившейся к ней польской военной силы, обратилась во всеобщее восстание и повлекло за собою трудный поход, который окончился поражением польской армии и взятием Варшавы». Как считал фон Эркерт, «он и не мог кончиться иначе, потому что простой народ в деревнях не сочувствовал восстанию»⁶. Польша лишилась многих прежних своих привилегий, «которыми она умела воспользоваться только во вред себе и России, в административном отношении она была сближена с Россией», но сохранила некоторую самостоятельность под управлением царского наместника. Император Александр II «снова великодушно даровал так называемому Царству Польскому очень важные национальные привилегии и льготы, которыми поляки, в своём ослеплении и безрассудстве, под разными гуманными, либеральными и политико-экономическими формами, воспользовались для достижения того, что привело к настоящему и неизвестному ещё в ближайшем будущем порядку вещей» [69: 49–50].

Фон Эркерт делает вывод, что «каков бы не был исход теперешнего движения (имеется ввиду восстание 1863–1864 гг. – С.С.), мы не можем сомневаться в том, что он поведёт только к *скорейшей гибели* польской нации, и что истина и право должны восторжествовать, как бы они ни были затемнены и оскорблены. *Такое* восстание *не* может иметь счастливого исхода, в этом нам не позволяет сомневаться христианская религия» [69: 50].

Касаясь истории западных губерний, фон Эркерт отметил, что они, «даже после воссоединения с Россией, постоянно оставались в близких сношениях и связях с Польшей». Причём «полонизм и католицизм, со времени раздела Польши, конечно, другими средствами, нежели прежде, с удвоенным усилием старались в нравственном (а за тем и в политическом) отношении снова овладеть тем, чего они лишились в политическом отношении. Для достижения своей цели, они выбрали самое действительное средство: нравственное влияние и умственное образование посредством духовенства и школ. Если бы они употребили это средство несколькими столетиями ранее, то западные губернии погибли бы для России на вечные времена. Но и теперь опасность была велика». Поляки со времени

третьего раздела действовали энергично и последовательно, стараясь «ополячить западные губернии и осуществить мысль о польском царстве. Униатская церковь под таким влиянием, скоро также сделалась бы католической». Но в результате восстаний поляки «открыть глаза русским», дважды показали им, «что такое западные губернии, кем собственно они населены и как затем, на основании этих указаний, следовало бы действовать с русской стороны, для того, чтобы исправить прежние, непостижимые упущения, явиться опять на помощь совершенно забытым собратам и разъяснить себе своё собственное положение» [69: 50–51].

Описывая «ополячивание западных губерний России в духовном отношении», начавшееся с третьего раздела Польши, автор упомянул, что «поляки основали Виленский университет (1804), Кременецкий лицей и множество школ, в особенности при монастырях, и таким образом опутали запад России целую сетью школ, которая, с учреждением Виленского учебного округа, давала польскому элементу возможность твёрдой фалангой понемногу сломать и уничтожить уже потрясённую русскую народность. Духовенство также не дремало. Последователей православного исповедания привлекали или, по крайней мере, всеми средствами старались привлечь к униатской церкви, а униатов к католицизму (для лучшего воспитания униатских духовных, которые стояли на очень низкой степени духовного образования, учебные заведения получили лучшее устройство лишь в первые годы царствования императора Александра I). Полонизм делал большие успехи и имел, так сказать, со своей стороны право на это, потому что ему были предоставлены большие привилегии ко вреду подавленной русской народности, которая падала все более и более. Польская революция раскрыла глаза нашему правительству. Виленский учебный округ был упразднён, Виленский университет понемногу закрыт и в замену его основан Киевский (1834); русский язык повсеместно введён в дело-производство и при обучении. Важнейшей мерой для оживления русской народности и сильнейшим ударом, нанесённым полонизму, было уничтожение унии и воссоединение униатов с православною церковью в 1839 году» [69: 51–52].

После соединения западных губерний с Россией «в политическом и религиозном отношении» последовало «уничтожение крепостного права со всеми его последствиями, или соединение в социальном отношении с древнерусским началом гражданской свободы и самостоятельности мира». На фактическое же социальное соединение, отметил исследователь, понадобится «много времени. Совокупное действие политического, религиозного и социального воссоедине-

ния западного края с Россией одно только может и должно повести к совершенному соединению их в *национальном* отношении» [69: 52–53].

В разделе «Взгляд на этнографию западных губерний» автор представил «краткий обзор этнографических отношений западного края». Из-за «краткости изложения» он ограничился «характеристикой четырёх главных народностей западного края: поляков, русских, литовцев и евреев» [69: 54]. Он приводит четыре разные точки зрения по подсчёту численности русского и польского населения в крае: 1) «Если принять *теперешний язык*, русский или польский, за способ разграничения жителей русской и польской народностей, да в добавок ещё примешать к этому происхождение их, как это делают некоторые, вопреки собственному же принципу, то мы получим относительно наименьшее число поляков». Если не принимать в губерниях Виленской и Гродненской в расчёт влияние польского языка, сделавшее из местных русских наречий испорченный польско-русский или русско-польский язык, то при строгом разграничении языков число поляков, показанных им в таблице уменьшилось, особенно значительно в Гродненской, Виленской, Минской, Витебской и Могилёвской губерниях. Их бы стало только 1 млн чел. Недавно была приведена, вместо сообщённой фон Эркертом численности поляков в Гродненской губернии 279 тыс. чел., цифра 83,8 тыс. чел, причём ему неясно, на чём основан такой способ исчисления. 2) «Если при разграничении русской и польской народностей основываться главным образом на *теперешнем вероисповедании* жителей, то мы на основании того, что сказано в начале этой брошюры, получим 6 454 000 русских и 1 257 000 поляков, следовательно отношение 5 к 1». Как отметил фон Эркерт, «много совершенно русских католиков в южных частях Белоруссии, причислены к русским, а напротив, совершенно польские православные, в особенности в городах, и в помещичьих усадьбах приняты за поляков». 3) «Если при разграничении народностей принять в соображение *вероисповедания в том вид, в каком они, существовали до 1839 года*, и основываться на том, что униатская церковь, не задолго до её воссоединения с православною, *de facto* была очень близка к католицизму», т. е. «предположить, что значительное большинство униатов, обратившихся опять в 1839 году в православие, находилось к польской народности ближе, нежели к русской, то число поляков увеличилось бы на несколько миллионов». Поляки постоянно пользуются данной методикой, преувеличивая своё количество. 4) «Если *не принимать в соображение ни религии, ни языка*, а, оставляя в стороне лишь некоторые исключительные отношения, считать единственным мерилом политическое и социаль-

ное влияние, которое полонизм столь долго и сильно оказывал, на всех жителей западного края, то в этом смысле, или правильнее, в этой бессмыслице объясняется название “польские провинции”» [69: 55–58].

Рассматривая вопрос «с точки зрения *чисто национальной*», фон Эркерт посчитал первый взгляд «ультрарусским», второй – «общерусским» и «самым правильным», третий – «общепольским», четвёртый – «ультрапольским». Из упомянутых четырёх, наиболее распространённых взглядов на национальные отношения западного края, «два опираются на вероисповедание (настоящего и прошедшего времени)» [69: 58].

Говоря о влиянии польского населения фон Эркерт писал, что «если жители русской народности в западных губерниях превосходят поляков в *численности*, то последние настолько же превосходят русских в *моральном* отношении». Он указал, что в руках поляков находится «частная поземельная собственность», значительное число городских жителей, чиновников (особенно низших), шляхты, управляющих имениями, экономов, арендаторов, прислуги польского дворянства – поляки-католики, а местами православные, говорящие по-польски. «Поляки считают и называют западные губернии своими, польскими в национальном отношении, и политически незаконно у них отнятыми. Без сомнения, это вскоре изменится. Они присваивают себе также право на преобладание в социальном отношении и смотрят на живущих там мало- и белорусов, как на своих холопов. Это резко и ясно обрисовывает, по крайней мере, действительное, спесивое положение, которое полонизм ещё недавно занимал в западном крае. Вскоре такая спесь и ослепление снова погрузятся в своё ничтожество. Непостижимо влиятельная роль польского дворянства чрезвычайно утратила своё значение уже с 1831 и 1839 годов (но более всего с 1861 и 1863 г.)» [69: 58–59].

Далее автор пишет, что «чем дальше на восток, тем более польский элемент уменьшается в численном отношении, но не во внутренней своей силе; последняя уменьшается лишь в малорусских губерниях, потому что малорусская народность противодействовала польской сильнее и резче» [69: 60].

Говоря о шляхте, фон Эркерт, подразумевая под ней «низшее дворянство и многих однодворцев или то сельское дворянство, какое именно только и встречается в Польше (и западных губерниях России), да разве ещё в Венгрии», считал что она «более значительное, национально-общественное учреждение, самостоятельно созданное полонизмом», крайний предел польского национального твор-

чества, картина оцепенения», «окастневший полонизм, концентрированная польская кислота» [69: 61–62].

Русский элемент, по его мнению, занимает в западных губерниях «лишь второстепенное место». Только помещиков немногих уездов и небольшой части горожан и шляхты можно назвать русскими, основная же масса русских «простой народ, низшее сельское сословие». Русские делятся на две главные группы: белорусов и малорусов, «которых в географическом и национальном отношении разделяет болотистая область Припяти». Также в этих губерниях проживает около 200 тыс. великорусов [69: 63].

Белорусы, писал фон Эркерт, «суть представители одного из трёх больших национальных отделов русской народности вообще, а белорусский язык – одно из трёх главных наречий русского языка. Белорусский язык подходит к великорусскому более малорусского, в особенности более того, на котором говорят в местностях, преимущественно называемых в наше время Малороссией. С распространением малорусов, или, правильнее, червонорусов на восток, проник в этом же направлении малорусский язык, отличающийся от великорусского более, нежели язык чернорусов в Галиции и Волыни». Последний, как отметил автор, «гораздо более сохранил свои древние формы и потому с первого взгляда производит это странное впечатление. В этом легко убедится всякий великорус, приехавший в тот край». Отличительным признаком близкого родства наречий, как считал исследователь, «служит *грамматический их строй*». Сотня или даже несколько сотен польских слов, усвоенных народом в течении времени, «народ считает теперь коренным достоянием *своего языка*» [69: 63–64].

«Первоначальные национальные особенности, свойство почвы, соседство литовцев и влияние поляков», по мнению фон Экерта, «создали несколько национальных групп белорусов, которые существуют ещё и теперь, или именно теперь то более или менее ясно». Первая – это «так называемые *настоящие белорусы* в губерниях Витебской и Могилёвской (также далее на восток) и в восточной части Минской губернии. Они примыкают на западе к латышам, к Двине, вверх до Десны и далее к Борису, вниз по Березине». Другая группа – «живущие далее на запад *белорусы, которые, однако же сами не зовут себя этим именем, да и поляками не называются белорусами*, они по большей части не дают себе никакого национального названия, а язык свой называют “простым”. Великорусы и поляки в общежитии обыкновенно обозначают их словами: “из униатов”. Для этих западных белорусов, которые сильно подверглись польскому влиянию, в особенности в северо-восточной трети Гродненской гу-

бернии, принято вообще название чёрнорусов (по чёрным овцам, из шерсти которых они делают себе одежду), но сами они не называют себя этим именем. Эти две группы, по его мнению, были главными [69: 64–65].

Большая часть Подлясья, в особенности Сокольский уезд, и весьма немногие места Августовской губернии в Царстве Польском, населены третьей, наиболее ополяченной категорией белорусов (подляшанами). Язык, на котором они говорят, очень непонятен для великорусов, но, рядом с мазурским влиянием, представляет большое разнообразие, вследствие различной колонизации, которая, в эту некогда ятвяжскую страну, мало-помалу переселила белорусов» [69: 64–65].

Постепенно, при движении от Подлясья на восток польское население постепенно уменьшается, русское же усиливается. Вид Орши и «ближайшего от него, лежащего к востоку чисто русского города Красного очень резко обозначают эту противоположность как с внутренней, так и с внешней стороны. Даже Смоленскую губернию и северо-западную часть Калужской жители не причисляют ещё к настоящей Великой России» [69: 65].

Он считал, что «собственная Белоруссия, в особенности Могилёвская губерния, вовсе не такая жалкая страна, какой её обыкновенно изображают, но обработка земли её в высшей степени запущена. Белоруссию можно сравнить с бедной, но прекрасной девушкой, которая может рассчитывать на богатое наследство. Настоящие белорусы находятся на очень низкой степени образования, жители Могилёвской губернии очень бедны, малого роста и слабого сложения, их язык, одежда и нравы подверглись польскому влиянию меньше, нежели в большей части уездов Витебской губернии, которая, по своему географическому положению, была долго театром войн между поляками и враждебными их соседями на севере». Белорусы-католики, «более или менее» поляки, почти все «носят польский костюм, отличающийся от одежды православных белорусов, по своему образу мыслей, привычкам и роду жизни, они совершенные поляки. Даже православные по большей части, за неимением русских молитвенников, придерживаются католического обычая читать в церкви молитвы из польских молитвенников» [69: 65–66]. В конце 1863 г. митрополит Литовский снова обратился к духовенству о необходимости вывести из употребления прихожанами польские молитвы и молитвенники, заменив их молитвенниками на славянском или русском языках. Также православному духовенству Литовской епархии было предписано, «чтобы в священнослужительских семействах было прекращено употребление польского языка» [69: 66].

Фон Эркерт обратил внимание, что «в нравах и роде жизни западных, ненастоящих белорусов, сильно обнаруживается польское влияние, но у них до сих пор и не было почти никакой связи с великорусами». Они брили бороду и усы, одевались бедно, имели тёмный цвет лица. Их «общественные удовольствия» – музыка (скрипка) и пляска. Они собирались в корчме, «совершенно польском заведении, составляющем резкую противоположность к чисто русскому постоялому двору», попарно, мужчина с женщиной, плясали польские танцы. Тоже самое, но «ещё в гораздо большей мере, должно сказать о белорусских городских жителях, из которых многие, несмотря на своё православное вероисповедание, по языку и образу мыслей совершенные поляки» [69: 66].

Говоря о малорусах, он ещё раз отметил, что они, тоже вследствие польского влияния, делятся на две главные группы: настоящих *малорусов* и *русинов*. «Последние называются у поляков также рутенами, но, на основании их языка, должны называться червоннорусами». Он отметил, что «язык малорусов в губерниях Полтавской, Екатеринославской, восточной части Черниговской, Киевской и отчасти Херсонской, с точки зрения многих настоящих малорусов, неправильно считается более чистым языком, нежели коренное наречие в Червонной Руси. Последнее древнее его и ближе к великорусскому языку, нежели то наречие, на котором говорят в вышеупомянутых губерниях». Примесь полонизмов встречается в западной части Киевской губернии и в губерниях Подольской и Волынской, «где язык очень близко подходит к галицийскому (собственно червонорусскому). Особую категорию составляет, по своей грубости и жёсткости в звуках и оборотах, наречие, на котором говорят в Полесье, в особенности в южной части Гродненской губернии» [69: 66–67].

Фон Эркерт считал, что малорусы населяют «чрезвычайно плодородную и прекрасную страну», которая привлекала поляков, которые селились здесь «в большом количестве», о чём свидетельствуют богатые поместья. Он отметил, что они «во всех отношениях стоят выше белорусов, русская народность отделяется здесь от польской гораздо резче, потому что от неё нет таких переходных членов к полонизму». Однако, несмотря «на живучесть их народности и на долгие и энергические усилия для защиты веры и народности (в особенности посредством казачества), малорусы не были в состоянии занять роль главных предводителей или вождей русской народности вообще, роль, которая выпадала им три раза: в первый раз во времена удельных княжеств, в отношении к прочим княжествам; во второй раз во время Галичского княжества в отношении к литовцам; наконец в третий раз во время казачества в отношении к полякам.

Ни болотистой и лесистой Белоруссии, ни богатой степями Малороссии, не суждено было сделаться настоящею колыбелью русско-го элемента. Действительной родиною её должна была сделаться средняя, Великая Россия, соединявшая в себе все условия политического благосостояния и политической независимости» [69: 67–68].

Он указал, на то, что «настоящие малорусы в восточной и южной части Киевской и юго-восточной части Подольской губернии твёрдо сохранили свою религию и народность. Польское влияние у них едва заметно, этому много способствовала близость Киева». Он обратил внимание, что среди «настоящих малорусов» до сих пор много свободных крестьян, которые называют себя казаками и они никогда не принадлежали к униатской церкви [69: 68].

Среди русинов фон Эркерт выделил несколько групп, «на которые отчасти влияло польское соседство в западной Волыни; больше всего действовали местные обстоятельства». Он считал, что «в восточной части Волыни чище всего сохранился червонорусский или (древний) малорусский тип, как в наружном виде, так и в форме черепа». Исследователь отличал жителей Полесья, южная граница которого идёт от Устьлуга на Буге, через Владимир, Луцк, Ровно, Новоград-Волынский и к северу мимо Радомысла, до Днепра. На севере Полесье заходит далеко в губернии Гродненскую и Минскую. Оно слабо населено, «только на отдельных сухих местах». При реке Случе население живёт в немногих деревнях, просто в первобытном состоянии. При реке Убороте, в Овручском уезде, на пространстве 200 кв. вёрст нет ни одной деревни. Полешуки живут небольшими селениями. Их жилые и хозяйственные строения, «обращённые узкою своею стороною на улицу, сведены в одно целое, под общую крышу». Сами полешуки «находятся на очень низкой степени просвещения, отличаются тихим характером, среднего роста, слабого телосложения и не носят бород. Женщины их, в отличие от волынцев и подольцев, гораздо красивее мужчин». В Полесье также живут великорусы. Они занимаются рубкой леса, выработкой дёгтя и т. д. Также здесь живут будники или мазуры, которых здесь называют буцами. Они переселились сюда из Мазовии, вероятно, в XVI в. Из «скитавшихся рабочих» они стали со временем земледельцами, которые платили владельцам подать (чинш) и стали называться «чиншевой шляхтой». В Овручском уезде живут также «великорусские будники, которые очень бедны и находятся на очень низкой ступени». Исследователь отметил, что «полешуки Гродненской губернии сохранили свою народность не столь чисто, как полешуки Волынской губернии, они делятся на пинчуков и бужан» [69: 68–69].

Говоря о латышах, фон Эркерт, обратил внимание, что в западных уездах Витебской губернии они сильно подверглись польскому влиянию и почти все исповедуют католицизм. Литовцев он разделил на две группы, «находящиеся между собою в близком родстве»: на литовцев «в тесном смысле слова, или *литвинов*» и *жмудь*. Литвины занимали в настоящее время меньшее пространство, нежели прежде, когда они жили далее на юг. Их «отчасти вытеснил белорусский элемент» Польский же элемент утвердился среди них «в качестве дворянства, шляхты и городских жителей, подчинил их польскому влиянию, в особенности при помощи католической религии». Литвины, подчеркнул исследователь, «за исключением языка и совершенно особых, национальных и религиозных понятий, относящихся к отдалённому прошедшему образу жизни мало отличаются от смежных с ними белорусов, к которым они находятся в каком-то пассивном и подчинённом положении». В Новоалександровском уезде литовцы перешли на польский язык и «по большей части называют себя поляками» [69: 69].

Исследователь считал, что «*жмудь* в нравственном и материальном отношении стоит гораздо выше литовцев». Самый чистый тип её проживал в Тельшевском уезде, где земледелие было более развито, чем в других уездах, населённых жмудью. Это население «до сих пор отличается большою религиозностью, привязанностью к католической вере, твёрдостью и энергией характера, и воинственным духом». Жмудское наречие отличается от литвинского «самостоятельным развитием и отсутствием польского влияния». Нравы жмуди «просты и патриархальны; любовь к родине очень сильна. Народ отличается приветливым и весёлым характером; мужчины ростом меньше, нежели литвины; женщины очень красивы собою, прекрасно сложены и хорошо одеты, привязаны к дому, чистоплотны и очень целомудренны» [69: 69–70].

В западном крае евреи в основном жили в городах и местечках. Западную Россию «в настоящее время можно считать действительною родиною евреев». Их численность равна численности поляков. Все коммерческие сделки и вся торговля вообще, оптовая и розничная, «совершаются при посредстве евреев» [69: 70–71].

В заключение фон Эркерт ещё раз подчеркнул, что он хотел только разъяснить прошлое и настоящее края, не касаясь политических, религиозных и социальных тенденций и что он не хотел никого оскорбить своим трудом. Он считал, что на его исследование обратят больше внимания в будущем, «нежели теперь, когда страсти раздражены». Фон Эркерт полагал, что «для правительства прежде всего необходимо правильное понимание существующего: оно может

делать правильные выводы только из *действительных*, а не *воображаемых* величин. Если мы коснулись раны, из которой к сожалению уже так часто и много сочилось крови, то это сделано из-за самой раны, а по из-за пальца, прикоснувшегося к ней для того, чтобы указать её тем, которые не только вправе, но и обязаны способствовать излечению её» [69: 72].

Его атласы и «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» из-за решения автора принять религиозный фактор в качестве этнического разграничения славян Западной России подверглись критике.

В двух номерах газеты «Русский инвалид» (№№ 75 и 80) П.О. Бобровский разбирает этнографический атлас Р. фон Эркерта [2; 3]. Позже его статья «Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян западной России?» вышла отдельной брошюрой [4].

Упомянув, что атлас на русском языке роскошно издан и продаётся по доступной цене 2 руб. серебром, П. Бобровский отметил, что в небольшой брошюре «автор высказывает свою точку зрения на этнографию западной России, обрисовывает довольно правильно историческую судьбу этой страны и обозревает, впрочем, весьма слабо и неполно, характеристику главных племён, её населяющих: русских (белорусов и малороссов), поляков, литовцев и евреев». Однако фон Эркертом «даётся неточный колорит общественному положению западнорусских элементов и недостаточно верно определено разграничение поляков от русских (белорусов и малороссов), наиболее многочисленных племён, составляющих главную и с древнейших времён оседлую массу на пространстве к западу от Днепра до Карпат, верховий Вислы, устьев Нарева и средних частей Немана и Западной Двины» [2: 3].

Фон Эрkert неправильно «счёл необходимым принять в основание этнографических разграничений одну лишь религию» и это «натолкнуло его на большие погрешности и далеко не привело его к наиболее верной или лучше *наиболее практической цифре* поляков в западной России». Сравнивая данные по населению фон Эркерта и Риттиха в губерниях, где проживает значительное количество белорусов (Могилёвской, Минской, Гродненской, Виленской и Витебской), П. Бобровский обратил внимание на «несогласие в цифрах». К примеру, поляков фон Эрkert насчитал в два раза больше, чем Риттих в «Атласе народонаселения западно-русского края по исповеданиям» (СПб., 1863; Изд. 2 – СПб., 1864). Разница почти в 10 %, а в количестве литовцев с латышами – в 3,6 % от общего населения 5 губерний. В атласе Риттиха православных – 59, 2 % и римско-като-

ликов – 29,9 %. К первым он отнёс не только русских, но и до 37 000 литовцев, к последним – всех поляков, почти всех литовцев и латышей, а также более 240 000 (т. е. до 6%) русских. Часть католиков Риттих отнёс к белорусам. Если соединить численность католиков поляков и русских получится 623 000 чел. У фон Эркerta показано 791 000 чел. Стало быть, он принял за поляков и часть белорусов, и малороссов, исповедующих православную веру. Впрочем, сам фон Эркерт «не хочет навязывать другим своего взгляда, а потому и цифрам своим не придаёт особо важного значения, полагая во всяком случае свою цифру поляков преувеличенной» [2: 3].

Для определения национальности, особенно в таких разнообразно населённых, как западная Россия, необходимо «исследование языка или наречий, как ветвей одного дерева». Даже те белорусы, которые называли себя «простыми», «не зная того, что они белорусы – сохранили и в обыденной речи, и в песнях, и в пословицах, свои определённые, национальные, логические формы, свой дух, свой определённый характер, свои права, свои обычаи и т. п.» [2: 3].

Говоря о Гродненской губернии, «более всего подверженной польскому влиянию», П. Бобровский обращает внимание на ошибочность мнения фон Эркerta, что почти все мещане – поляки, да и «нынешнее дворянство Гродненской губ. по происхождению (говоря вообще) не может быть причислено к польскому племени, но оно исповедует римско-католическую веру, говорит по-польски, дышит Польшей и ненавидит Россию. Все помещики себя считают поляками, да и мы их не можем назвать белорусами». Основываясь на данных Парчевского, на его списках деревень, населённых поляками, П. Бобровский считал, что количество поляков в губернии составляет 83 000 чел. В заключение автор написал, что фон Эркерт смог бы избежать многих ошибок, если бы в основу своего труда взял не только вероисповедание, но и «все другие крупные признаки племенных особенностей и прежде всего – язык» [3: 3–4].

Высказываясь о работе А.Ф. Риттиха «Материалы для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская» (СПб., 1864), П. Бобровский написал, что две карты «наглядно знакомят нас с количественным отношением разнообразных племён». Он отметил, что «невыносимое иго постоянно давящей иезуитско-шляхетской двойственной силы легло всею тяжестью на эти передние части русских земель. Стоит только взглянуть на карты г-на Риттиха, чтобы понять весь глубокий смысл исторического хода этнографии в среде соплеменных нам малороссов и белорусов. Поэтому нельзя не отдать справедливого уважения труду г. Риттиха, который, для исполнения своей трудной задачи, должен был рыться в значитель-

ной массе материалов. Строго держась основных начал этнографии, он, в своих исследованиях, не впал в ошибку, испортившую все дело в замечательном по мысли, но одностороннем в исполнении труде г. Эркерта, который размежевает славян на основании религии, совершенно упуская из виду, что без указаний языка, нравов, обычаев, привычек, одна религиозная сторона не может установить совершенно твёрдой раздельной черты между поляками с одной стороны и малороссами и белорусами с другой». Благодаря картам, продолжил критик, теперь каждому ясно, что смежная с западными губерниями России полоса Царства Польского далеко не представляет строгого племенного единства. Преобладающее большинство, в частности, здесь не принадлежит полякам. Количественное первенство в Августовской губернии, более 40 %, принадлежит литовскому племени, литве и жмуди, в Люблинской около 45 % русскому – малороссам» [5].

В выступлении на общем собрании географического общества 8 мая 1863 г. М.О. Коялович высказался по поводу выхода изданного фон Эркертом этнографического атласа на французском языке. Это выступление затем было опубликовано в № 114 газеты «Русский инвалид» [17]. Он упомянул, что само название атласа «не может не поразить западнорусского общественного деятеля, не оторвавшегося от народа». М. Коялович подчеркнул, что «этнографическое господство в западной России принадлежит коренным, самобытным племенам её, а не полякам». Правда, он констатировал, что «местный, западнорусский взгляд, который ещё так мало сознан, так мало получил прав в науке и в жизни, что не легко ставить его на видное место. Да, впрочем, для науки, строго говоря, безразлично соединять или разделять *на карте* Западную Россию и действительную Польшу, и так или иначе озаглавливать этнографический их атлас. А что касается до житейской практики, то я думаю, в настоящее время от такого соединения Западной России с Польшей и этнографического подчинения первой последней, может выйти даже большая польза» [17: 486–487].

М. Коялович считал, что атлас «должен произвести весьма сильное впечатление за границей, а может быть и у нас. Я представляю себе при этом ту заграничную литературу и ту недавно тоже изданную там карту бывшего польского государства, по которым все пространство западной России от Немана и Буга до Двины и Днепра, даже за Двину и за Днепр – все Польша и Польша... и думаю, что атлас г. Эркерта составляет самую жестокую и неотразимую критику всего этого. Теперь оказывается и оказывается наглядно и популярно, что *польская провинция* есть *русская область*, что целые

миллионы *поляков* этой провинции сводятся на деле к миллиону с небольшим, что составляет *десятую долю* всего населения западной России, а в частности, число, в шесть раз меньшее числа русских, меньшее числа литовцев...» [17: 487].

М. Коялович указал, что «по ошибочности и сбивчивости данных» произошла «громадная уступка туземных элементов в пользу элемента польского». Приведя в пример Гродненскую губернию, с которой он хорошо знаком, М. Коялович сказал, что численность польского (мазовецкого) племени в западной части губернии преувеличена. Здесь больше малороссов и белорусов, чем показано в атласе. Обратил он внимание на то, что около Припяти шляхта говорит по-белорусски и среди неё немало православных. В городах же, «рядом с еврейскою краскою, окрашены польскою», но «почти везде мещанское христианское население городов западной России говорит или по-белорусски, или по-малороссийски». Многие из них даже православного вероисповедания [17: 487].

Критикуя попытку связать религиозную принадлежность с национальной, М. Коялович обратил внимание, что «многие латиняне шляхетского, мещанского и все члены крестьянского сословия сохраняют ещё свои самородные, местные начала, не делаются поляками, как бы должны были сделаться по требованию тамошнего латинства. Вот почему не все латиняне тамошней страны могут быть названы поляками». Далее он перешёл к обозрению упомянутых фон Эркертом «племён Западной России» [17: 487].

В статье М. Кояловича «Взгляд г. Эркерта на Западную Россию», опубликованной в № 174 «Русском инвалиде» за 1864 г., затем вышедшей отдельной брошюрой, даётся обзор этнографического атласа западнорусских губерний и соседних областей фон Эркерта и приложенной к нему брошюре «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» [15; 16]. М. Коялович посчитал, что «дурна самая мысль ставить Западную Россию все вместе и в параллеле только с Польшей. Известно, как давно и усиленно поляки поддерживали мнение, что западная Россия и Польша одно, и обе – резко отдельны и отличны от восточной России. В популярном труде о Западной России нужно устранять эту теорию и ставить Западную Россию или между восточною Россией и Польшей, или одну. Это будет справедливо и в научном, и в практическом отношениях» [15: 3].

Он считал цифру в 1 200 000 поляков, проживающих в западных губерниях ошибочной. По его мнению, «вместе с действительным числом поляков крестьян, мещан и шляхты они едва ли составят больше 700 000 т. во всей Западной России». М. Коялович не разделял взгляда фон Эркерта, что славян Западной России можно

разделить на русских и поляков только на основании их вероисповедания. Считать, что католики – это поляки, а православные – русские. Об этом он упоминал ранее при обзоре атласа фон Эркerta на французском языке [15: 3].

Говоря о национальном самоопределении М. Коялович писал: «Видели бы вы, как в настоящее время западнорусские крестьяне, латиняне, расположены к России и русским, сколько-нибудь дельным, и ненавидят поляков без всякого разбора! За что же таких латинян, которые большею частью не знают польского языка, польских обычаев, польских тенденций, вы причисляете к полякам? Как несправедлива и к каким грубым ошибкам может вести теория различать русских и поляков в *народе* по одной вере – это будет, надеемся, очень ясно, если мы напомним читателям, что таким способом полмиллиона русских – плохих латинян в польском смысле причисляется к полякам. Достоинство этой теории разве то, что при ней ни один истый поляк, т. е. политический поляк, не будет причислен к русским, хотя бы и говорил по-русски, как на родном языке, а по-польски плохо. Латинство в нём, действительно, будет более верным указателем национальности. Но что касается до простого народа, которым больше всего и должна заниматься этнография, то в его жизни одно латинство не может служить критерием национальности. Он слишком непосредственно относится к вере и слишком разобщён с польским панством, чтобы латинство имело у него ту же национальную польскую силу, как у поляков-панов» [15: 3].

В статье «Этнографический обзор Витебской губернии», вышедшей в 1872 г. А. М. Сементовский высказал своё мнение об атласе фон Эркerta, вышедшем в разгар польского мятежа «сперва за границей на французском языке (весной 1863 г.), а потом и у нас на русском языке (в 1864 году)». Он был не согласен с мнением фон Эркerta «в выборе признаков национальности, в особенности при разграничении славянской народности», используя при этом для русских и поляков религиозный признак, который фон Эркерт посчитал верным для белорусов. А. Сементовский показал несостоятельность данного утверждения: в Витебской губернии проживает 59 179 белорусов-католиков. Также фон Эркерт «пытается отвергнуть 159 659 латышей, 1 067 эстов, некоторую часть немцев, французов и других народностей». А. Сементовский считал, что «за этнографический признак разграничения народностей» надо принимать родной язык народа, «на котором он говорит с детства, который постоянно употребляется в его семье и достался ему, так сказать, по наследству» [55: 1–2].

В «Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская», вышедшем в 1864 г.,

А.Ф. Риттих говоря о разделении фон Эркертом племён по религиям, заметил, что во время его разъездов по центру западнорусского края он встречался с белорусами и малорусами «без различия религии». Причём независимо от того, были они католиками или православными, «наружный вид крестьян, по лицу, обуви и одежде, ни их, – понятное для всякого мало-мальски знающего русский язык, – наречие, не отличались». Такое же положение на Украине, в Гродненской, Витебской и Могилёвской губерниях. Это, по его мнению, «доказывает, что хотя религия и может служить в подразделении населения на племена, но она не может проводить окончательно раздельную черту и находится в тесной связи с говором народа, его нравами, обычаями, привычками и другими признаками этнографии». Также фон Эркерт в Люблинской губернии, скорее всего, причислил к народности русской одних только греко-католиков [24: 26].

Сам же А. Риттих предлагал для правильного определения национальности принимать во внимание «для каждого лица, на научных основаниях и независимо изустных показаний»: а) место родины, которое указывает на заселённость по преимуществу той или другой народностью; б) народность отца и матери, которая переходит на детей, за исключением некоторых случаев; в) подданство; г) вероисповедание; д) язык; е) школа обучения: правительственная, общественная или приходская, в период окончания учебных занятий; ж) признание опрашиваемой личности» [66: 65–66].

Упомянув о работе Р. фон Эркерта «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России», В.М. Кабузан в своей монографии «Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав» отметил, что в условиях России язык оказался гораздо более действенным этническим показателем, чем религиозная принадлежность. С утраты веры в тот период действительно начинался процесс утраты своей национальной принадлежности, что видно на примере Галичины, Угорской Руси и Царства Польского. Однако в России к тому времени для ополячивания населения уже не было условий. Эти территории были в составе российских губерний и, наоборот, большие группы белорусского и малорусского населения возвращались в православие. Об ополячивании, по мнению В. Кабузана, можно говорить лишь в отношении дворянства и населения крупных городов Западной Руси. Он сравнил численность поляков, указанную фон Эркертом с их численностью, указанной другими исследователями [13: 21–22].

Исходя из католического вероисповедания, фон Эркерт указал в девяти западных губерниях 1 257 000 поляков (без Курляндской губернии – 13 000 поляков. – С.С.). Он же предположил, что если

за основу взять язык, то их бы количество могло бы быть только 1 000 000 чел. [69: 56]. М. Лебёдкин в своей статье «О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи», вышедшей в 1861 г. указал численность поляков в девяти губерниях Западного края в 1 027 947 чел. Он же упомянул о сохранившихся этнических группах, называющих себя полянами, древлянами, бужанами, дулебами, тиверцами и угличами в Волынской и Подольской губерниях и хорватами – в Волынской губернии [18: 139–140]. Примерно такое же количество поляков – 961 144 чел. в губерниях Европейской части России, без Царства Польского, приводится в «Военно-статистическом сборнике», составленном офицерами Генерального штаба, под общєю редакцией Н.Н. Обручѳва, вышедшем в 1871 г. [6: 94].

По мнению В. Кабузана на данной территории в то время проживало 636 тыс. поляков, по переписи 1897 г. их было 886 тыс. Он считал, что нельзя брать за основу только вероисповедание, а необходимо «учитывать, насколько это возможно, язык, сословно-классовую принадлежность и даже географическое положение, а также время перехода в католическую веру. Не вызывает никаких сомнений, что попытка опереться лишь на один, хотя и существенный признак привела Эркерта к необоснованным выводам». Он же отметил, что некоторые русские статистики относили к полякам вообще всех жителей бывшей Речи Посполитой (К.Ф. Герман), что явно не соответствовало действительности [13: 22].

Из более поздних работ фон Эркерта, изданных в России, интерес представляют его исследования кавказских народов и малороссов: «Антропологические измерения некоторых кавказских народов и малороссов Харьковской губернии» (Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1881. Т. 7. № 1), «Добавление к антропологическим измерениям некоторых кавказских народов» (Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1881. Т. 7. № 2), «Антропологические измерения кавказских народов и описание измеренных субъектов (продолжение)» (Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1883. Т. 8. № 1) [67–68; 70].

В 1880 г. он «измерил 85 кавказцев, а именно: 30 адигэ (кабардинцев, абадзехов и представителей некоторых других черкесских племён), 7 чеченцев (ингушей), 11 грузин (собственно грузин, имеретин и аджарцев), 14 осетин, 14 армян и 9 азербейджанских татар (азербейджанцев. – С.С.)». В 1879 г. он обследовал 80 малороссов трёх уездов Харьковской губернии (32 – в Изюмском, 32 – в Змиевском и 16 – в Старобельском уездах). Измерения проводились по

инструкции немецкого учёного Рудольфа Вихрова в миллиметрах [11: 885; 67: 129]. Фон Эркерт продолжил публикацию исследования в двух статьях [68; 70].

В «Отчёте о деятельности и состоянии Кавказского отдела Императорского Русского географического общества в 1882 г.» было отмечено значение исследований фон Эркертом народов Кавказа: «Ещё в прошлом году в “Известиях” помещены были антропологические измерения, произведённые, по инструкции Вирхова, нашим многоуважаемым сочленом Р.Ф. фон Эркертом, сделавшим у нас на Кавказе почин в деле антропологических измерений. Им измерено было сперва 85 кавказцев; к измерениям приложены и описания. В прошлом году Р.Ф. фон Эркерт измерил 99 кавказцев и приложил к измерениям описание типов всех измеренных субъектов. Теперь нашим неутомимым сочленом измерено до 300 лиц в Дагестане. Следует пожелать многоуважаемому Р.Ф. фон Эркерту, чтобы он произвёл на Кавказе ещё больше измерений, так как измерение значительного числа живых представителей кавказских народов предоставит возможность составить надлежащее понятие о типе последних, устранил разноречивые по этому предмету показания, основанные лишь на одном впечатлении, и уяснит многое неразгаданное ещё в вопросе о генетическом происхождении обитателей Кавказа» [20: 7].

В статье «Антропологические измерения кавказских народов, произведённые генералом Р.Ф. фон Эркертом и г. Эрнестом Шантром», опубликованной в «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества» (1884. Т. 8) их редактор, русский лингвист и этнограф Л.П. Загурский писал: «Необходимость производства антропологических измерений на Кавказе сознавалась уже давно, но почин сделан только в 1881 году. Р.Ф. фон Эркерт, перешедший на службу на Кавказ, успел в течении двух лет измерить 184 представителя разных народов, населяющих Закавказье и Северный Кавказ. Сверх того, он составил описание 99 измеренных субъектов. Р.Ф. фон Эркерт, поступивши тогда в члены Кавказского Отдела Имп. Рус. географического общества, доставил в отдел свой труд. Хотя означенные измерения произведены были по инструкции Вирхова, между тем, как в России вообще придерживаются методы Брока, но нельзя было, в виду совершенного отсутствия антропологических измерений на Кавказе, колебаться, и редакция “Известий Отдела” с чувством благодарности поместила добросовестный труд Р.Ф. фон Эркерта...» [10: 7].

Фон Эркерт выпустил несколько работ на немецком языке, часть уже после выхода в отставку. Среди них: «Der Ursprung der Kosaken,

vorzüglich nach neuen russischen Quellen» (Происхождение казаков, в основном, согласно новым российским источникам, Berlin, 1882); «Ein Kurgan bei Stavropol» (Курган близ Ставрополя, Zeitschrift für Ethnologie. 1883. Bd. 15); «Die Mauer von Derbend» (Стена Дербента, Zeitschrift für Ethnologie. 1885. Bd. 17); «Der Kaukasus und seine Völker» (Кавказ и его народы, Leipzig, 1887), «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. Bände 1-2» (Языки народов Кавказа, Wien: Alfred Hölder, 1895), «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen» (Миграции и расселения германских племён в Центральной Европе от древнейших времён до Карла Великого. Berlin, 1901) [77–82].

В 1882 г. в Берлине вышла его брошюра «Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen». Вначале он дал краткую историю образования Русского централизованного государства, отметив роль великого князя Ивана III, которого автор назвал основателем московского государства и первым правителем, который благодаря контактам с западноевропейской культурой, стремился вдохнуть новую жизнь в изолированную, зависимую от Азии, находившуюся почти триста лет под татаро-монгольским владычеством страну. Причём великий князь сохранял с самого начала русские традиции и поддерживал связь с Востоком, «привезя в Москву византийского двухглавого орла». Главным его достижением было объединение княжеств

Der
Ursprung der Kosaken.

Vorzüglich nach neuesten russischen Quellen

von

R. v. Erbert.

Berlin

Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung
 Gertenig und Hofmann
 1882.

Титульный лист брошюры Р.фон Эркерта «Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen» [77].

«в единое московское целое», в развитии внутренней и внешней мощи, обороны, в стремлении к независимости [77: 1].

Он приводит краткое объяснение происхождения татарских и русских казаков. Фон Эркерт считал, что истоки образования казачества восходят к временам Чингисхана и Тамерлана, когда для охраны семей и имущества во время походов требовались небольшие отряды, которые шли впереди основной части огромной армии. Для этой цели выбирались бедные, нищие, неженатые люди, не обременённые заботами. Так возникло значение и обозначение так называемых «татарских бездомных», то есть смелых и энергичных людей степи. Эти татарские казаки служили охраной и защитой баскам. В середине XIV в. татарские казаки, называемые мещерскими или городскими, появились на службе у великих князей. Они поселились вдоль притоков Оки в Муромском районе Мещерской территории и основали (тогдашние) приграничные города Касимов, Темников, Елатьма и другие. Они несли караульную службу вдоль Дона и шли отрядами к Волге, чтобы грабить племена Орды. Их численность особенно увеличилась за счёт переселенцев из различных орд во времена великого князя Василия II Тёмного, который предоставлял убежище и привилегии на свободной муромской территории уважаемым и знатным татарам. Сразу после мещерских казаков, и это неразрывно с ними связано, сформировались русские, рязанские казаки [77: 8–9].

После покорения Северного Кавказа армиями Тамерлана в конце XIV в. его баскак Ахмет, посланный в Курское княжество, переселил значительное число кабардинских черкасов из Бештау (Пятигорья) на южную границу этого княжества в качестве пограничных казаков, чтобы создать противовес проникающим туда русским дружинам, которые уже приобрели характер татарских казаков. Эти кабардинские черкасы до вторжения Чингисхана жили в Крыму и Днепровских степях под названием «Чёрные клобуки». Эта миграция привела к противоположным результатам: черкасские казаки познакомились с русскими и заключили с ними союз из-за общей ненависти к татарскому владычеству. Спустя некоторое время князь Олег Курский получил «ярлык», позволявший ему изгнать эту беспокойную степную вольницу. Черкасские казаки переместились далеко в степь и долгое время оставались там в укреплённых местах, где их подкрепляли русские казацкие поселенцы. Сливаясь с русским большинством и сохраняя память о том, что их предки, «Черные клобуки», свободно жили в степях нижнего Днепра и служили там первому русскому великому князю степным кордоном. Они переселились на Днепр и, с разрешения татарского баскака, основали поселение Черкассы, за-

ложив таким образом первый фундамент для будущей знаменитой черкасской или запорожской казацкой культуры [77: 9–10].

Это также объясняет раннее знакомство кабардинцев, или, как их раньше называли, пятигорцев и черкас, с Россией, что объясняет ранние миграции русских казаков к терекцам, к пятигорским казакам, а также гостеприимство, которое определенная часть свободных русских казаков, поздние терские казаки, нашла на территории этого воинственного народа [77: 9–10].

Осиротевшие княжеские дружины, обладавшие духом воинского братства и смелости, не желавшие заниматься земледелием, мигрировали не только к Курской границе, но и к южной границе Рязанского княжества. Однако Рязанское княжество было более других подвержено татарским набегам и опустошению. Поэтому пограничный кордон был крайне необходим мирным жителям этого региона. Рязанские казаки жили в междуречье между Доном и Хопром (Червлёный Яр), у них были свои сотники и баскаки. Они несли караульную службу на окраинных землях и на переправах на дороге из Москвы в Азов. Они знали все степные дороги и тропинки в этом направлении и служили проводниками и сопровождением для посольств, купцов и других лиц, путешествующих из Москвы или прибывающих из неё в Азов, Каффу, Константинополь и т. д. Несмотря на всё это, казаки занимались грабежом и мародёрством в отдалённых степных районах и на реках, что не нравилось Москве, из чего следует, что рязанские казаки или червлёные казаки действовали вполне свободно под властью князей Рязанских и, с приближением слияния княжества с Москвой, опасались введения строгой дисциплины [77: 10–11].

Два водных пути (на север, в Новгород и на юг, через узкую полосу земли, отделяющую Волгу от Дона, по Дону в Азов), по которым двигались богатые купеческие караваны, привлекали казаков. Ради богатой добычи они предлагали оплатить предполагаемую или реальную защиту, либо устраивали засады с целью получения выкупа или грабежа. Основу этому заложили новгородские ушкуйники. Этот предпринимательский и разбойничий дух вскоре обернулся против купеческих караванов, путешествующих по рекам Нева и Волга, и эти новгородцы, смешанные с казаками, часто формировали отряды до 2 000 человек, командуя флотом до 150 гребных судов. Они быстро распространили свои набеги до устья Волги и дальше в Каспийское море, где достигали Терек. Сами они называли такие набеги невинным словом «молодечество» (деяния молодого, крепкого юноши, совершенно не имеющие цели и смысла), слово, которое, конечно, было очень непопулярно в Москве. До поздних

времен этот дух и характер наиболее специфически сохранялись на нижнем течении Волги и Дона, особенно среди бродячих бурлаков (речных жителей, которые тянули корабли) и среди людей, которых специально называли «бродягами». Новгородские ушкуйники, вероятно, заложили самый прочный фундамент для воровской стороны казачества, в то время как элементы, отделившиеся от старой княжеской дружины, заложили фундамент для казачества в целом. Хотя забота о базовом материальном обеспечении была главным приоритетом этой казацкой культуры, она, не имея прямого намерения, способствовала распространению русской культуры и, таким образом, оказала огромное влияние на ход русской истории [77: 11–13].

Далее фон Эркерт писал, что жители Рязанского княжества отличались воинственным и независимым характером, но его князья и бояре часто находились в тесном союзе с врагом. Великий князь Рязанский Олег не принимал участия в Куликовской битве против татар. Великие князья Московские не могли обойтись без жёстких мер при объединении Рязани с Москвой в 1520 г., мер, которые проявились в заключении в тюрьму, сожжении и насильственном переселении, как это уже случалось ранее с жителями Пскова, Новгорода и Твери. Жестокость особенно ощущалась по отношению к казакам Червлёного Яра, которые, избегая переселения, готовились бежать после соответствующего голосования и подготовки. Старшие и более состоятельные из них голосовали за подчинение и за присоединение к городским казакам. Более молодые, бедные и опытные, знакомые с новгородцами, проголосовали за переправу на паромах на Дон и Волгу, за постройку транспортных средств для этой цели и за отъезд сразу после Пасхи со всем имуществом, жёнами и детьми. Обе стороны оставались непоколебимы в своих убеждениях, что было характерно для казаков [77: 13].

Высокий уровень воды и наличие речных судов, которые новгородцы, зимовавшие в районе Червлёного Яра, спрятали вдоль Волги, а также участие этих новгородцев в экспедиции, способствовали её осуществлению. Они поплыли вниз по течению, затем вдоль Дона и переправились в его излучине к Волге, которая часто выбиралась в качестве плацдарма для экспедиций, но территория которой никогда не выбиралась казаками в качестве постоянной базы. Другие группы также двинулись к Дону, который, однако, многим казался небезопасным и недостаточно удалённым от Москвы и поэтому они двинулись на восток, остановившись только у Яика (реки Урал) и, изгнав татар, образовали современных уральских казаков, среди которых до недавнего времени оставалась популярной фраза:

«Живите, братья, чтобы Москва как можно меньше о вас знала!». Червлёные казаки также двинулись на юг через Каспийское море к Тереку, с которым некоторые из них были знакомы с более ранних времён, а также к пятигорским черкасам, большинство из которых в то время ещё исповедовали христианство. Кабардинские князья были рады прибытию воинственных гостей из России и выделили им спорный и, следовательно, необитаемый участок земли правом берегу реки Сунжа, выше устья реки Аргун и заключили с ними союз. От них пошли гребенские казаки (от гребень – вершина, хребет), более поздние терские казаки, которые долгое время составляли казаков «Кавказской линии», «линейных казаков», смесь различных племён, привитых к великорусскому основному элементу, в отличие от соседних ранних «черноморских казаков», считавшихся частью кубанских казаков, потомков запорожского племени, которые, с меньшим смешением, представляют собой более громоздкий русский элемент. Вышеописанное произошло примерно в 1530 г. Это была эпоха открытого появления свободных русских казаков на всех полюсах широкого пространства их исторической деятельности, которая в основном двигалась в крайностях между героизмом и готовностью к самопожертвованию, с одной стороны, и низменной жадностью и воровством, с другой [77: 14–15].

В результате продолжающийся Москвой централизации казаки одновременно появились на реках Дон, Волга, Яик и Терек в совершенно разных количествах. В древнейших казацких песнях, наряду с донскими казаками, упоминаются также яицкие и гребенские казаки. В других преданиях этих казаков называют донскими или волжскими казаками, в отличие от днепровских казаков (черкасов, части современных кубанских казаков). Донские и запорожские казаки не были предками терских и уральских казаков. Они постоянно селились на своей нынешней территории позже других и долгое время скитались, прежде чем обосноваться, поскольку даже в 1569 г. гребенские казаки, проходя через этот регион в составе экспедиции, не встретили там других казаков [77: 15].

В русской истории упоминаются три атамана из волжских казаков, которые, опасаясь наказания со стороны царя, в 1579 г. провели совет в низовьях Волги, решив, куда им следует бежать. Старший, Ермак (он воевал в Ливонской войне, участвовал в 1581 г. в походе на Литву. Поэтому указанная дата совета может быть ошибочной. – С.С.), сын Тимофея, отправился на север к знаменитым Строгановым и завоевал Сибирское царство, двое других бежали по воде, по отдельности: меньшая группа – к р. Яик, большая – к р. Терек к своим родственникам [77: 15].

В заключение фон Эркерт высказал своё мнение о будущем казачества: «Казачья культура может существовать только в таком виде, она может быть создана только на враждебной, неопределённой границе, в условиях опасности для собственного дома. Если эти условия исчезнут, если граница станет мирной или если она отодвинется дальше и оставит казачью территорию внутри страны, казачья культура, хотя и медленно, но в конечном итоге погибнет и не сможет поддерживаться временными военными кампаниями». Другие условия жизни сначала изменят, а затем уничтожат дух, принцип, бытие, сущность и весь тип казачьей культуры [77: 15–16].

Позже в монографии «Der Kaukasus und seine Völker» (Кавказ и его народы) он посвятил отдельную главу казакам Кавказа (Kasaken des Kaukasus) [80: 43–61].

В 1883 г. в журнале «Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» (Журнал этнологии. Орган Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории) было опубликовано четыре сообщения фон Эркерта «Ein Kurgan bei Stavropol» (Курган в Ставрополе), «Ein zweiter Kurgan bei Stavropol, ausgegraben im October 1881» (Второй курган близ Ставрополя, раскопанный в октябре 1881 года), Beschreibung des Kostüms einer Kabardinerin (Описание женского костюма кабардинки), Beschreibung des Kostüms einer Ossetin (Описание женского костюма осетинки) и одна информация «Eine türkische und eine arabische Handschrift» (Турецкая и арабская рукописи). Он отправил в редакцию две рукописные книги, одна из которых была найдена в разрушенной мечети рядом с местом захоронения в «Теке-степи» (Ахал-Теке (Akhal-Teke). – С.С.) в Туркменистане [78: 171–179]. Также фон Эркерт отправил из Петровска-Кавказского председателю общества «серию черепов, скелетных останков и погребальных принадлежностей из кавказских захоронений, о которых последний оставляет за собой право сделать дальнейшие сообщения позже» [78: 170].

Фон Эркерт рассказал о исследованиях погребальных курганов. Один располагался югу (юго-западу. – С.С.) от Ставрополя, второй курган – в 2 км к юго-востоку от Ставрополя. Раскопки второго он проводил сам в 1881 г. Он дал описание предметов, найденных в курганах и их изображения. Из-за нехватки времени фон Эркерт выбрал для раскопок меньший курган, поскольку большие требовали трёх недель раскопок и десять рабочих, в основном для выемки выкопанной земли, труд их стоил более 100 рублей. На раскопки данного кургана ушло пять дней. Здесь же он упомянул о «незавершённых раскопках в Куявии», где служил ранее [78: 171–177].

Как считает современный исследователь Ю.А. Прокопенко, материалы двух курганов, раскопанных в окрестностях г. Ставрополя в 1881 г. и опубликованные Р. фон Эркерт, имеют различное происхождение. Первый был изучен местным краеведом, отставным унтер-офицером П.Ф. Федотовым, второй – фон Эркерт. Эти были первые памятники скифского времени, исследованные на Ставропольской возвышенности [23: 156, 161–162].

Описывая костюм кабардинских женщин, фон Эркерт отметил, что он практически повсюду идентичен. За исключением головного убора и нескольких незначительных деталей, он напоминает не только костюм адыгов (черкасов), но и очень сильно костюм осетинских женщин, да и вообще всех кавказских народов, особенно мусульманских [78: 177].

В 1885 г. фон Эркерт выступил с сообщением «Die Mauer von Derbend» (Стена Дербента⁷) на заседании «Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории», которое было затем опубликовано в журнале общества «Zeitschrift für Ethnologie» («Журнале этнологии») вместе с планом Дербентской стены [79]. Позже он включил сообщение и план в свою работу «Der Kaukasus und seine Völker» («Кавказ и его народы», 1887). План, был составлен, по словам исследователя, при «беглой съёмке на месте». Он отличается от более ранних планов тщательностью исполнения. Современный исследователь М.С. Гаджиев полагает, что, несмотря на неточности, план фон Экерта стал «первым и относительно достоверным картографическим изображением этой оборонительной системы» [8: 51–52]. В этом же номере журнала генерал-лейтенант фон Эркерт сообщил о своих измерениях головы на Кавказе в 1881–1883 гг. («Kopfmessungen im Kaukasus in den Jahren 1881–1883» (S. 112–116).

В отзыве на сообщение фон Экерта «Die Mauer von Derbend» немецкий врач, археолог, антрополог и палеонтолог Рудольф Вирхов (Rudolf Ludwig Karl Virchow) сказал: «Сообщения генерала фон Экерта, основанные исключительно на его собственном расследовании, более ценны, чем многочисленные противоречивые свидетельства, данные до сих пор о знаменитом Дербентском перевале, протяжённость которого, вероятно, не была определена ни одним современным наблюдателем». Перевал «представляет собой единственный путь, которым большие группы людей, особенно армии или кочующие племена, могли воспользоваться для перемещения из Закавказья в северные степи или наоборот» и что «этот путь этот путь часто использовался северными народами». Р. Вирхов подчеркнул, что «однако гораздо важнее вопрос о том, использовали

ли этот путь южные народы для миграции на север. Насколько мне известно, нет ни свидетельств, ни прямых указаний на это из более ранних времён, тогда как из более поздних такие свидетельства имеются. Это был бы очевидный путь, особенно для предполагаемой миграции ариев из Персии. Поэтому автор может быть уверен в благодарности всех, кто исследует эти сложные проблемы миграции» [79: 59].

В 1887 г. в Лейпциге была издана книга фон Эркerta «Der Kaukasus und seine Völker» (Кавказ и его народы) «на основе личных наблюдений». В конце даются два приложения: «Приложение I. Краткий обзор языков Кавказского региона» и «Приложение II. Численность населения Кавказа», а также четыре таблицы краткого глоссария и этнографическая карта. Книга богата фотографиями представителей кавказских народов и др. иллюстрациями [80].

В предисловии автор отметил, что двухлетнее пребывание на Кавказе на высоком военном посту, а также многочисленные официальные и личные поездки в научных целях предоставили возможность изучить землю и её жителей в различных регионах и группах, а также получить представление о многом, что находится за пределами обычных туристических маршрутов. Он подчеркнул, что данное описание, конечно, не может представлять собой что-то цельное. Оно основано на личных рассказах и впечатлениях, собранных им на месте, увиденных и услышанных [80: 1].

Фон Эркерт прежде всего проводил антропологические и этнографические исследования с целью выявления как можно большего числа малоизвестных или в значительной степени неизвестных народов и племён. Он посетил горы и их северные склоны, провёл множество измерений головы и предоставил переводы в единообразно составленном кратком глоссарии, а также несколько примеров склонений и спряжений, чтобы можно было лингвистически установить или опровергнуть расовую или племенную принадлежность, возможно, указанную формой головы и лица. Фон Эркерт сожалел, что ему не выпала возможность побывать на Кавказе «в период его героической многолетней борьбы, в которой русские войска с беспрецедентной преданностью, стойкостью и самоотверженностью в конце концов одержали победу над всеми горными народами Кавказа. Однако ему посчастливилось посетить эту землю и её народы в спокойном и нетронутом состоянии, во всех горах, долинах и ущельях после четверти века мира, и стать свидетелем мирного, гуманного влияния русской администрации на правопорядок, спокойствие и справедливость – администрации, которая под руководством Великого князя Михаила Николаевича в качестве императорского

правителя так благотворно действовала после того, как он силой оружия сломил последнее сопротивление врага» [80: 1–2].

В 1895 г. в Вене вышла монография фон Эркерта «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» (Языки народов Кавказа). Книга состояла из двух частей: Часть I. Глоссарий; Часть II. Языковые примеры и грамматические очерки. В конце книги была помещена «литографированная языковая карта»: «Карта – Схема народов Кавказа. Незаштрихованные области населены арийскими и татарскими народами» [81].

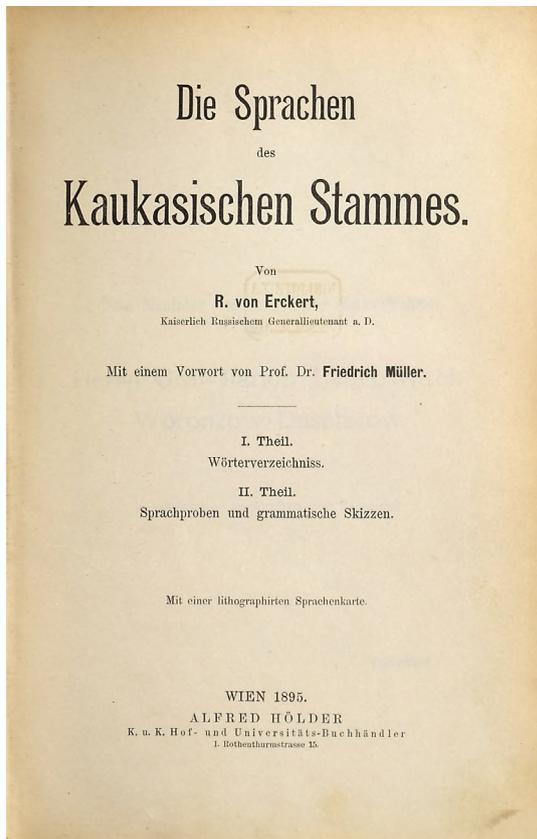
Во введении автор написал, что во время пребывания на Кавказе он, в первую очередь, проводил исследования среди «большого числа малоизвестных или в значительной степени неизвестных народов и племён, особенно на горных хребтах и их северных склонах, а также взятие многочисленных образцов [измерения. – С.С.] голов с целью выявления поразительных расовых характеристик и различий и, таким образом, возможно, обнаружения племенных связей с другими известными народами». В результате была написана книга «Der Kaukasus und seine Völker» [81: 1].

Однако вскоре этого оказалось недостаточно. Необходимо было включить в область исследования языки кавказских (неарийских и нетюркских) народов, поскольку они могли бы рассказать больше о родстве или различиях этносов. Из этого возникла попытка самим автором изучить языки Кавказа, пусть даже поверхностно. Фон Эрkert сообщил, что материалы собирались с большим трудом, учитывая такие факторы, как время и средства, «необходимые автору для завершения, улучшения и повышения пригодности для предполагаемой цели материала, первоначально собранного лично». Сам материал, собранный и обработанный в представленной форме, сможет принести пользу в дальнейших исследованиях и, отчасти, стимулировать их. Работа первоначально задумывалась, как новаторская. Личные обстоятельства позволили ему «дать лишь поверхностный обзор всей языковой области кавказского племени и предложить лишь краткое представление о характеристиках и структуре этих языков». На основе этого он смог дать предварительную картину, которая будет подтверждена или скорректирована в ходе новых, более глубоких исследований. Фон Эрkert добавил, что если бы он занялся этими исследованием раньше, во время своего пребывания на Кавказе, то смог бы «задействовав чрезвычайные ресурсы, тогда планирование и выполнение этого сложного предприятия было бы иным». Однако после того, как покинул Кавказ и приступил к обработке собранного им материала, возникла необходимость дополнить и улучшить его. Поэтому он установил постоянный контакт с

людьми разных профессий и социальных слоёв на Кавказе, а также разных национальностей, чтобы в течение десяти лет своего пребывания в Берлине собрать новую улучшенную информацию. Автор попросил у читателей «оценки, которая была бы столь же строгой научной, сколь и снисходительной личной, чем больше ошибок и неточностей будет выявлено, тем лучше для проекта» [81: 1–2].

Фон Эркерт выразил благодарность за помощь министру Императорского двора и уделов Российской империи графу И.И. Воронцову-Дашкову, попечителю Кавказского учебного округа, тайному советнику К.П. Яновскому, а также различным представителям грузинского народа, среди которых грузин Мосэ (Моисей) Джанашвили (грузинский историк и филолог. – С.С.) в Тбилиси «выделялся как выдающийся авторитет в изучении грузинского языка и всегда был готов прийти мне на помощь как специалист», многим другим официальным гражданским и военным лицам, в т. ч. военному губернатору Дагестанской области князю Н.З. Чавчавадзе, командующим военными округами, исследователям, учителям, кубанскому казаку есаулу Фелицину и др. [81: 2–3].

В грамматической структуре языков, которые, кроме грузинского, не имели письменной формы, автору помог разобраться молодой учёный, доктор Беер (Beer). Монография разделена на две отдельные части: первая содержит, согласно приведённому списку, достаточно однородный, словарный запас из 545 выражений, которые воспроизведены макси-

Титульный лист монографии Р. фон Эркерта «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» [81].

мально точно, так, как они были услышаны. Хотя в некоторых из них прилагательные и глаголы не приводятся в их фактической, точной форме, поскольку, учитывая нехватку времени и недостаточное понимание абстрактных понятий со стороны носителей языка, часто было невозможно получить что-либо правильное и точное. В словаре, по возможности, были выявлены все слова, заимствованные из арабского, персидского или тюркских языков, что частично показывает масштабы и характер иностранного культурного влияния на кавказские языки. Хотя представленный словарь лишь частично указывает на родство или заимствования посредством сходства в обозначении одного и того же объекта или понятия, тем не менее, из списка слов ясно видно, насколько похожи слова, принадлежащие к более крупной или меньшей языковой группе. Сам автор привёл пояснительные примечания, но не указал на какое-либо родство между языками кавказского племени. Список фраз (около 200) во втором томе работы содержит краткие формы склонения и спряжения более чем в 40 языках и диалектах, а также краткие грамматические замечания [81: 3–4].

Сведения о некоторых языках фон Эркерттом были опубликованы впервые, в т. ч. и по языкам малочисленных народов Кавказа: ахвахскому, багвалинскому, ботлихскому, годоберинскому, гунзибскому, каратинскому, рутульскому, тиндинскому, хваршинскому языкам и т. д. [74: 39, 42, 51, 63, 66, 90, 152, 182, 218].

К сожалению, в приведённом в книге материале, на что указывал сам автор, были ошибки, этому способствовала и неправильно выполненная транскрипция [73: 163].

Последней работой фон Эркерта, вышедшей уже после его смерти, стала монография «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen» (Миграции и расселения германских племён в Центральной Европе от древнейших времён до Карла Великого) [82].

Немецкий физиолог и антрополог, профессор по кафедре антропологии в Мюнхенском университете Иоганн Ранке (Johannes Ranke) в предисловии, в частности, написал: «Генерал фон Эркерт, выдающийся исследователь в широких областях истории, географии, антропологии, этнографии и лингвистики, тщательно подготовленный и проверенный скрупулёзными специализированными исследованиями, представляет в этом великолепном труде результат верного и плодотворного изучения жизни. В течение многих лет я имел честь с большим интересом следить за предварительной работой над этой книгой, и я рад выразить свои сердечные поздрав-

ления автору и всему сообществу классических исследований в Германии по случаю завершения этого монументального труда» [82: 2].

Он полагал, что работу фон Эркerta может считать справочником и она заложила основу для дальнейших исследований. «Ничего подобного в таком виде до сих пор не публиковалось. Каждый, кто воспользуется этой работой, будет в восторге от великолепных, прекрасно оформленных карт. Каждая из них – это настоящее произведение искусства с точки зрения оформления и ясности, чему в значительной степени способствует гениальная идея печати пояснительного текста непосредственно на каждой карте». Он же обратил внимание на то, что автор отбросил «гипотетические детали, которые могли быть включены только в ущерб точности и правдивости» представленной информации. Ранке считал, что это исследование будет интересно «любому образованному человеку», причём не только немецкой образованной публике, но французской и славянской. Сама же работа даёт «незаменимую основу для понимания своего народа и его соседей», имеет одинаково важное значение для этнологических и исторических знаний, незаменима для педагога, исследователя в области истории и доисторического времени, и для политика. Профессор выразил пожелание, что «эта уникальная работа, которую генерал фон Эркерт преподносит немецкому народу как драгоценный дар на рубеже веков, найдёт повсюду, как среди нашего народа, так и среди наших соседей, достойное место, которого она так заслуживает» [82: 3].

Сам автор во введении, которое почему-то было датировано

Титульный лист монографии Р.фон Эркerta «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen» [82].

1 января 1901 г., объяснил, что он хотел к началу нового столетия «в ясной и краткой форме представить результаты столь разнообразных и содержательных исследований, в частности германистики, касающихся археологических, лингвистических и исторических условий жизни германских племен в Центральной Европе». Он выразил надежду, что эта этнографическая работа, выполненная в рамках, указанных в названии, это начинание, в котором осталось много нерешенных проблем, в дальнейшем будет прояснено и исправлено новыми исследованиями, в т. ч. археологическими [82: 4].

Фон Эркерт объяснил установленные временные рамки исследования и то, что он не довёл его, как планировал, до начала XX в., чтобы не откладывать работу на неопределённый срок, своим преклонным возрастом. Пояснительные замечания включены им в сами карты. Упомянул он также то, что этнографическими исследованиями занимался несколько десятилетий, для них «Российская империя предоставляет беспрецедентное поле по количеству и разнообразию соответствующего материала» [81: 4].

Немецкий лингвист и этнограф Рихард Лёве (Loewe, Löwe) написал рецензию на труд фон Эркерта, считал, что его атлас является хорошим дополнением к небольшой книге австрийского учёного Рудольфа Муха (Rudolf Much) «Deutsche Stammeskunde» (Немецкая этнология, Leipzig Göschen, 1900), которую он назвал слабым произведением. Как писал рецензент, «пожилой генерал, хорошо известный своими этнологическими исследованиями, особенно этнографией Кавказа, который уже ушёл из жизни, представляет здесь, как говорит Иоганн Ранке в предисловии, результат кропотливого и плодотворного исследования жизни немецкого народа в качестве подарка на рубеже веков». В этом ему оказал помощь ряд известных учёных. Автор, добавивший пояснительные примечания к отдельным картам, демонстрирует знакомство со всеми областями этнологических исследований, включая лингвистику, которая, как правило, представляет большие трудности для неспециалиста. Среди двенадцати картографических листов атласа седьмой, разделённый на четыре отдельные карты, занимает исключительное место, поскольку каждый из этих четырёх рисунков, изображающих миграции и военные походы германских народов с начала II века до н.э., охватывает почти всю Европу и части Азии и Африки, в то время как второй показывает распространение индоевропейских народов в начале VI века до н.э., по крайней мере, в Европе. Тот факт, что оставшиеся карты ограничиваются Центральной Европой, не совсем идёт на пользу работе. В атласе, где изображены миграции и расселения германских племен, можно было бы ожидать, что будет полностью по-

казано заселение Скандинавии. На четвёртой карте седьмого листа автор, изображая миграции и военные походы нордических народов с 850 по 1600 год, выходит далеко за рамки временных ограничений, которые он сам для себя установил. Тем не менее, считал критик, работа надолго останется очень полезным пособием и представляет интерес для исследователей [88: 17, 22–23].

Во время службы в Русской императорской армии, а она проходила в разных регионах России, фон Эркерт стал увлекаться антропологией, археологией, историей, картографией, этнографией. Его «Atlas ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais» на французском языке и «Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей» на русском языке вышли в разгар польского восстания. Во «Взгляде на историю и этнографию западных губерний России» он попытался объяснить свой подход в «Этнографическом атласе» к определению национальной принадлежности к русскому (малорусам, белорусам) и польскому народам на основе религиозного фактора. Однако эти его работы подверглись критике, в которой указывалось на игнорирование фон Эркертот других немаловажных признаков, определяющих национальную принадлежность, в т. ч. и родной язык. В результате чего им была дана завышенная численность польского населения, проживающего в западнорусском крае. В то же время, его исследования сыграли большую роль в информировании зарубежной и российской общественности о численности и ареалах проживания наиболее крупных этносов региона и показали несостоятельность претензий поляков на эти земли. Интерес представляют также описанные им этнические группы и его мнение о русинах. Он считал, что вследствие польского влияния малороссы разделились на две ветви: «настоящих» малорусов и русинов. По его мнению, наречие последних, которых он также называл червонорусами, древнее и ближе к великорусскому языку, чем то, на котором говорят нынешние малорусы.

Многочисленные археологические, антропологические, исторические, этнографические, лингвистические исследования во время службы фон Экерта на Кавказе в качестве командующего дивизией, продолженные после выхода в отставку и переезда в Берлин, сыграли важную роль в изучении региона и его населения, положили начало дальнейшим археологическим изысканиям, антропологическим исследованиям и изучению языков местного населения. Интерес, на наш взгляд, также представляет его брошюра «Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen», краткое содержание которой мы, без наших оценок, постарались

изложить в данной статье. К сожалению, из-за преклонного возраста фон Эркерт не удалось до конца завершить главный труд своей жизни «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen», который он планировал довести до начала XX в.

Значительную часть своей жизни Родриг фон Эркерт посвятил службе в Русской императорской армии, что не могло не отразиться на его научной деятельности. В своих трудах он предстаёт не просто как исследователь, а как непосредственный носитель имперского военного мышления, предлагая читателю авторский взгляд на историю и современность через призму опыта офицера русской армии.

Примечания

1. В органе Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории «Zweiiinddreissigster Jahrgang» («Журнале этнологии») за 1900 г. датой смерти Р. фон Эркерта указано 12 ноября [87].

2. В то время в русской армии служило немало выходцев из стран Западной Европы. Среди соотечественников фон Эркерта можно отметить ряд лиц, косвенно имеющих отношение к нему. Иван Иванович Дибич (нем. Hans Ehrenfried von Diebitsch und Narden; 1738–1822), происходивший из силезского дворянства и его сын Иван Иванович Дибич-Забалканский (1785–1831), русский генерал-фельдмаршал. Матерью И.И. Дибич-Забалканского была вторая жена отца – Мария Антуанета Эркерт. Барон Карл Карлович фон Притвиц (Carl Leonhard Friedrich Anton von Prittwitz, 1797–1881) тоже уроженец Силезии – генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Его отец – отставной ротмистр прусской службы Карл Карлович (Отто Карл) фон Притвиц, мать – баронесса Каролина, урождённая фон Дибич. Герцог Георг-Август-Эрнест-Адольф-Карл-Людвиг Мекленбург-Стрелицкий (Georg August Ernst Adolf Karl Ludwig; 1824–1876), второй сын Георга, Великого герцога Мекленбург-Стрелицкого и Марии Гессен-Кассельской, двоюродный брат супруги императора Николая I императрицы Александры Фёдоровны. В 1859 г. перешёл на службу в русскую армию, стал генералом от артиллерии и инспектором стрелковых батальонов (с 1856).

3. В. Петронис в своей статье «Pinge, divide et impera: взаимовлияние этнической картографии и национальной политики в поздней имперской России (вторая половина XIX века)» пишет, что фон Эркерт получил геодезическое и инженерно-техническое образование и продолжил военную карьеру в России, предварительно получив

личную рекомендацию прусского короля Фридриха Вильгельма IV. К сожалению, ссылка на источник данной информации отсутствует [22: 326].

4. Представители его рода продолжали службу в прусской армии. К примеру, прусский король Вильгельм I Фридрих Людвиг в «Письме его величества короля прусского к её величеству королеве, написанного после битвы под Кёниггрецом» 4 июля 1866 г. пишет: «Тебе должно уже быть известно, что гвардейский генерал Гиллер убит. Тяжкая утрата! У Антона Гогенцоллерна засели в бедро четыре ружейные пули; не знаю, как он себя сегодня чувствует. Он, кажется, дрался вчера непомерно храбро. Эркерт тяжело ранен, а полковник Оберниц получил рану в голову. Первый гвардейский полк потерпел столь значительный урон, что из двух батальонов пришлось составить один. Ты легко поймёшь, что душу мою волновали самые противоположные чувства! Радость и горе!» [40].

Вероятно, тот же Эркерт упоминался в немецких газетах при покушении на графа Бисмарка, которое совершил студент Фердинанд Коэн-Блинд, пасынок революционера Карла Блинда, 7 мая 1866 г. в Берлине. Он попытался застрелить прусского министра-президента, чтобы помешать объединению Германии без участия Австрии. Описывая покушение берлинские газеты писали: «После захвата преступника, вокруг министра-президента, который был несколько взволнован и стоял, опершись на руку майора Эркерта, мгновенно собрались тысячи народа, в тёплых словах выражавшего ему своё сочувствие и приносившего министру-президенту поздравления с избавлением его от опасности. Министр Мюллер тотчас поспешил к месту действия, обнял графа Бисмарка и проводил его к его отелю, расположенному в Вильгельмской улице. Министр-президент предпочёл идти пешком и, при восклицаниях сопровождавшей его толпы, достиг своего отеля. Король был извещён о злодеянии майором Эркертом» [38].

5. Федор Христианович Паули (Gustave Theodor Pauly, 1817–1867), российский этнограф, член Русского географического общества, немец по происхождению, учился в Берлинском университете. На службу в Русскую императорскую армию поступил 14 февраля 1841 г. из подпоручиков прусской армии. 4 мая 1842 г. оставил службу в армии будучи поручиком. На гражданской службе дослужился до чина статского советника. Автор «Description ethnographique des Peuples de la Russie» («Этнографическое описание народов России» (Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard, 1862) [7].

6. О том, что восстание простой народ не поддержал и в нём участвовала только шляхта, ксёндзы и члены их семей писал и А.Ф. Риттих [67: 97, 100].

7. Дербентская стена (Горная стена или «Даг-бары») – двойная стена построена в V–VI вв. для защиты Сасанидской империи от нашествия кочевников с севера, в своё время перекрывала Каспийские ворота в Дербенте. Топоним «Дербент» означает «узкие врата». Стена перекрывала эти ворота от морского берега до крепости Нарын-кала.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Б. Description Ethnographique des peuples de la Russie, par T. de Pauly, publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'Empire de Russie. St. Pétersbourg (Bellizard), 1862 // Записки Императорского Русского географического общества. 1862. Кн. II. Библиография и критика. С. 10–22.

2. Бобровский П. Можно ли вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России (По поводу этнографического атласа западнорусских губерний и соседних областей Р.Ф. Эркерта) // Русский инвалид. 1864. № 75. 3 (15) апреля. С. 3–4.

3. Бобровский П.О. Можно ли вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России (По поводу этнографического атласа западнорусских губерний и соседних областей Р.Ф. Эркерта) II // Русский инвалид. 1864. № 80. 9 (21) апреля. С. 3–4.

4. Бобровский П.О. Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России (По поводу Этногр. атл. зап.-рус. губ. и сосед. обл. Р.О. Эккерта). СПб.: Воен. тип., 1864. 51 с.

5. Бобровский П.О. Библиография. Материалы для этнографии царства Польского. Составил генерального штаба подполковник Риттих // Русский инвалид. 1864. № 257. 19 ноября (1 декабря). С. 3.

6. Военно-статистический сборник / составлен офицерами Генерального штаба: В. Ф. Де-Ливроном [и др.] под общєю редакцией генерал-майора Н. Н. Обручёва, управляющего делами Военно-учёного комитета и профессора военной статистики. Вып. 4. СПб.: в Военной тип., 1871. XXX, 922, 235 с., [1] л. ил.

7. Вольтер Э.А. Паули, Густав-Федор Христианович // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением Императорского Русского исторического общества А.А. Половцева. Т. 13: Павел, преподобный – Петр (Илейка). СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1902. С. 399–401.

8. Гаджиев М.С. Р. Эркерт и Дж. Эберкромби – исследователи «Даг-бары» // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала. 2005. № 3. С. 51–58.

9. Герасимчик В.В. Проблема идентичности белорусов в научной дискуссии 1863–1864 годов о народонаселении «западной России» // Белорусский исторический обзор. 2020. № 4 (1). С. 55–106.

10. *Загурский Л.П.* Антропологические измерения кавказских народов, произведённые генералом Р.Ф. фон Эркертом и г. Эрнестом Шантром // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1884. Т. 8. № 2. С. 374–381.

11. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895. В 3 ч. / составил по поручению Совета Императорского Русского географического общества вице-председатель общества П.П. Семенов, при содействии действительного члена А.А. Достоевского. Ч. 2. Отдел IV. Ч. 2. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. XI, с. 472–979, [3], [1] л. портр.

12. Исторический очерк столетия 143 пехотного Дорогобужского полка. 1806-16/VIII-1906. [Б. м.: б. и., 1906]. 148 с., 3 л. портр. С. 9

13. *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 214, [2] с.

14. *Комзолова А.А.* Национальная идентичность в статистических исследованиях Северо-Западного края Российской империи (1860-е годы) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-2. С. 496–501.

15. *Коялович М.* Взгляд г. Эркерта на Западную Россию // Русский инвалид. 1864. № 174. 6 (18) августа. С. 3–4.

16. *Коялович М.И.* Взгляд г. Эркерта на Западную Россию. [СПб.]: Воен. тип., ценз. 1864. 43 с.

17. *Коялович М.* О расселении племён Западного края России. По поводу изданною г. Эркертом (на французском языке) этнографического атласа областей, населённых сплошь или отчасти поляками. Сказано в общем собрании географического общества 8 мая 1863 г. // Русский инвалид. 1863. № 114. 26 мая (7 июня). С. 486–488.

18. *Лебёдкин М.* О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Записки Императорского Русского географического общества. 1861. Кн. III. СПб, 1861. С. 131–141.

19. Отчёт о действиях Императорского Русского географического общества за 1862 год // Русский инвалид. 1863. № 47. 1 (13) марта. С. 205–206.

20. Отчёт о деятельности и состоянии Кавказского отдела Императорского Русского географического общества в 1882 году // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества». 1883. Т. 8. № 1. С. 1–19.

21. Офицеры РИА. 86-й пехотный Вильманstrandский полк // https://ria1914.info/index.php/86-%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%92%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BA (дата обращения: 15 октября 2025).

22. *Петронис В. Pinge, divide et impera: взаимовлияние этнической картографии и национальной политики в позднеимперской России (вторая половина XIX века) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). Сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 308–329.*

23. *Прокопенко Ю.А. О раскопках П. Федотова и Р. Эркерта курганов скифского времени в окрестностях г. Ставрополя в 1881 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 155–163. doi: 10.18384/2310-676X-2022-5-155-163*

24. *Риттих А.Ф. Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская / составил Генерального штаба подполковник Риттих. СПб., 1864. 1 кор. 36 с.*

25. Русский инвалид. 1846. № 135. 19 июня. С. 1.

26. Русский инвалид. 1849. № 48. 3 марта. С. 1.

27. Русский инвалид. 1854. № 83/84. 15 апреля. С. 373.

28. Русский инвалид. 1854. № 274. 8 декабря. С. 1289.

29. Русский инвалид. 1861. № 197. 10 сентября. С. 1.

30. Русский инвалид. 1863. № 109. 19 (31) мая. С. 1.

31. Русский инвалид. 1863. № 120. 2 (14) июня. С. 1.

32. Русский инвалид. 1863. № 286. 29 декабря (10 января). С. 1.

33. Русский инвалид. 1864. № 54. 8 (20) марта. С. 2.

34. Русский инвалид. 1864. № 70. 26 марта (1 апреля). С. 4.

35. Русский инвалид. 1864. № 72. 31 марта (12 апреля). С. 1.

36. Русский инвалид. 1865. № 209. 24 сентября (4 октября). С. 1.

37. Русский инвалид. 1865. № 228. 17 (29) октября. С. 1.

38. Русский инвалид. 1866. № 110. 30 апреля (12 мая). С. 2.

39. Русский инвалид. 1866. № 137. 31 мая (12 июня). С. 1.

40. Русский инвалид. 1866. № 178. 12 (24) июля. С. 3

41. Русский инвалид. 1867. № 168. 20 июня (1 июля). С. 1

42. Русский инвалид. 1867. № 223. 14 (26) августа. С. 1

43. Русский инвалид. 1868. № 332. 6 (18) декабря. С. 1

44. Русский инвалид. 1869. № 109. 13 (25) сентября. С. 2

45. Русский инвалид. 1872. № 184. 20 августа. С. 1.

46. Русский инвалид. 1873. № 84. 19 апреля. С. 1.

47. Русский инвалид. 1874. № 206. 21 сентября. С. 1.

48. Русский инвалид. 1875. № 37. 14 февраля. С. 1–2.

49. Русский инвалид. 1878. № 257. 19 ноября. С. 2.

50. Русский инвалид. 1879. № 153. 14 июля. С. 1.

51. Русский инвалид. 1879. № 194. 5 сентября. С. 4.

52. Русский инвалид. 1881. № 38. 17 февраля. С. 1.

53. Русский инвалид. 1883. № 105. 16 мая. С. 1.

54. Русский инвалид. 1884. № 127. 9 июня. С. 1.
55. *Сементовский А.М.* Этнографический обзор Витебской губернии. СПб.: Типография М. Хана, 1872. 69 с.: ил., табл.; 1 [отд. л.] карт.
56. Сенатские ведомости. 1857. № 15. 19 февраля. С. 158.
57. Сенатские ведомости. 1863. № 16. 22 февраля. С. 42.
58. Сенатские ведомости. 1866. № 10. 4 февраля. С. 44.
59. Сенатские ведомости. 1871. № 17. 26 февраля. С. 83.
60. Сенатские ведомости. 1874. № 14. 15 февраля. С. 54.
61. Сенатские ведомости. 1876. № 94. 19 ноября. С. 612.
62. Сенатские ведомости. 1881. № 105. 29 декабря. Прибавление к Сенатским ведомостям. С. 2.
63. Список высочайшим особам, генералам, штаб и обер-офицерам, состоящим и числящимся в Лейб-гвардии Московском полку с 7 ноября 1811 года по 2 января 1900 года. СПб.: Экономическая типолитография, 1899. 57 с.
64. Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е января 1883. СПб.: Военная типография, 1883. С. 505.
65. Список полковникам по старшинству. Исправлено по 3-е июня [1864 г.]. СПб.: Военная типография, 1864. С. 443
66. *Суляк С.Г.* Александр Фёдорович Риттих (1831–1915) – жизнь и труды русского генерала, славянофила и его исследования Карпатской Руси // Русин. 2025. № 81. С. 53–126. doi: 10.17223/18572685/81/4
67. *Эркерт Р.Ф.* Антропологические измерения некоторых кавказских народов и малороссов Харьковской губернии // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1881. Т. 7. № 1. С. 129–147.
68. *Эркерт Р.Ф.* Антропологические измерения кавказских народов и описание измеренных субъектов (продолжение) // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1883. Т. 8. № 1. С. 47–73.
69. *Эркерт Р.* Взгляд на историю и этнографию западных губерний России (С атласом). СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедных, 1864. [2], 72 с.
70. *Эркерт Р.Ф.* Добавление к антропологическим измерениям некоторых кавказских народов (помещённым в 1-м вып. VII тома «Известий Кавказского отдела Русского географического общества») // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1881. Т. 7. № 2. С. 268–274.
71. Эркерт фон Георгий Гансович // Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917). В 4-х т. Т. IV. С–Я. / Сост. к.и.н. Е.Л. Потемкин. М.: Б.и., 2019. С. 605.
72. Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей. [1:3 600 000, 36 км в 1 см] / составлен Р.Ф. Эркерт, гвардии полковником, действительным членом Императорского Русского географического общества. СПб., 1863. 1 атл. (тит. л., 6 разв. л.) цв., текст, табл.

73. Юсупов Х.А. Основные этапы изучения даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 3. С. 162–164
74. Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник / гл. ред. В.П. Нерознак. М.: Academia, 2002. 378 с.
75. Atlas ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais, par R. d'Erkert, St. Pétersbourg, 1863. [1], feuille VI: cartes.
76. Der russische Generalleutnant a. D. Roderich v. Ercker // Globus; illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. 1901. Bd. 79. S. 67.
77. Erckert R. von. Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung, 1882. 18 s.
78. Erckert R. von. Ein Kurgan bei Stavropol. Ein zweiter Kurgan bei Stavropol, ausgegraben im October 1881. Beschreibung des Kostüms einer Kabardinerin. Beschreibung des Kostüms einer Ossetin. Eine türkische und eine arabische Handschrift // Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1883. Bd. 15. Verhandlungen Berliner Gesellschaft Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte / Redigirt: Rud. Virchow. S. 170–179.
79. Erckert R. von. Die Mauer von Derbend // Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1885. Bd. 17. Verhandlungen Berliner Gesellschaft Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte / Redigirt: Rud. Virchow. S. 55–59.
80. Erckert R. von. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig: Verlag von Paul Froberg, 1887. 385 s.
81. Erckert R. von. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Bände 1-2. Wien: Alfred Hölder, 1895. 390 s.
82. Erckert R. von. Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen / von Roderich von Ercker. 1:3 000 000. Berlin: Mittler, 1901. XII Karten; [2] Textblätter: farbig.
83. Ercker, Roderich v. // Biographisches Jahrbuch und Deutscher Nekrolog // Herausgeber von Anton Bettelheim. Band. V. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1903. S. 74.
84. Ercker Roderich von (1821–1900) // Wielka ilustrowana encyklopedia powszechna. T. 4. Dewsbury-Europa. Kraków: Wydawnictwo Gutenberga, [1929]. S. 282.
85. Ercker, Roderich von (1821–1900) // Das Deutsche Literaturarchiv Marbach (DLA). URL: https://www.dla-marbach.de/find/opac/id/PE00427204/?tx_find_find%5Baction%5D=detail&tx_find_find%5Bcontroller%5D=Search&hash=5641a5c43f48912d2ced7bf55a643981 (дата обращения: 12 сентября 2025).
86. Carte Ethnographique de l'Empire de Russie par R. von Ercker, membre effectif de la Société géographique impériale de Russie, dessinée par H. Kiep-

ert à Berlin. 1862. Gravée et imprimée en chromolithographie par C. Monecke à Berlin.

87. Leider hat die Gesellschaft am 12. November eines ihrer treuesten und fleissigsten Mitglieder, den General-Lieutenant Roderich v. Erckert // Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte / Redactions-Commission: M. Bartels, R. Virchow, A. Voss. Zweiiinddreissigster Jahrgang. 1900. S. 577.

88. *Loewe R.* Much R. Deutsche Stammeskunde. von Erckert R. Wanderungen und Siedelungen der germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Großen (Richard Loewe) // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde / Herausgegeben: Karl Brugmann, Wilhelm Streitberg. Bd. 14. Anzeigers für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Beiblatt zu den Indogermanischen Forschungen / Herausgegeben: Wilhelm Streitberg. Bd. 14. Ausgaben 1, 2 und 3. 1903. S. 17–24.

89. *Pauly Theodore de.* Les peuples de la Russie. Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'empire de Russie. 1: [Tome 1]. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard, 1862. 66 p., il., cartes, tabl.

90. *Pauly Theodore de.* Les peuples de la Russie. Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'empire de Russie. 2: [Tome 2]. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard, 1862. XIV, 154, 30, 78, 13, 15 p.

REFERENCES

1. A.B. (1862) Description Ethnographique des peuples de la Russie, par T. de Pauly, publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'Empire de Russie. St. Pétersbourg (Bellizard). *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2. pp. 10–22.

2. Bobrovskiy, P. (1864) Mozhno li veroispovedanie prinyat' v osnovanie plemennogo razgranicheniya slavyan Zapadnoy Rossii (Po povodu etnograficheskogo atlasa zapadnorusskikh guberniy i sosednikh oblastey R.F. Erkerta) [Is it possible to accept religion as the basis for the tribal delimitation of the Slavs of Western Russia (Regarding the ethnographic atlas of the Western Russian provinces and adjacent regions by R.F. Erkert)]. *Russkiy invalid*. 3rd (15th) April. pp. 3–4.

3. Bobrovskiy, P. (1864) Mozhno li veroispovedanie prinyat' v osnovanie plemennogo razgranicheniya slavyan Zapadnoy Rossii (Po povodu etnograficheskogo atlasa zapadnorusskikh guberniy i sosednikh oblastey R.F. Erkerta) II [Is it possible to accept religion as the basis for the tribal delimitation of

the Slavs of Western Russia (Regarding the ethnographic atlas of the Western Russian provinces and adjacent regions by R.F. Erkert) II]. *Russkiy invalid*. 9rd (21st) April. pp. 3–4.

4. Bobrovskiy, P.O. (1864) *Mozhno li odno veroispovedanie prinyat' v osnovanie plemennogo razgranicheniya slavyan Zapadnoy Rossii (Po povodu Etnogr. atl. zap-rus. gub. i sosed. obl. R.O. Ekkerta)* [Is it Possible to Accept Religion Alone as the Basis for the Tribal Delimitation of the Slavs of Western Russia (Regarding the Ethnographic Atlas of the Western Russian Provinces and Adjacent Regions by R.O. Erckert)]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

5. Bobrovskiy, P. (1864) Bibliografiya. Materialy dlya etnografii tsarstva Pol'skogo. Sostavil general'nogo shtaba podpolkovnik Rittikh [Bibliography. Materials for the Ethnography of the Kingdom of Poland. Compiled by General Staff Lieutenant Colonel Rittikh]. *Russkiy invalid*. 19th November (1st December). p. 3.

6. De-Livron, V.F. et al. (eds) (1871) *Voенно-statisticheskiy sbornik* [Military Statistical Collection]. Vol. 4. St. Petersburg: V Voенnoy tipografii.

7. Volter, E.A. (1902) Pauli, Gustav-Fedor Khristianovich. In: Polovtsev, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 13. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov. pp. 399–401.

8. Gadzhiev, M.S. (2005) R. Erkert i Dzh. Eberkrombi – issledovateli “Dag-bary” [R. Erckert and J. Abercromby – Researchers of the “Dag-bary”]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. 3. pp. 51–58.

9. Gerasimchik, V.V. (2020). Problema identichnosti belorusov v nauchnoi diskussii 1863–1864 godov o narodonaselenii “zapadnoi Rossii” [The problem of the identity of Belarusians in the scientific discussion of 1863–1864 about the population of “Western Russia”]. *Belorusskii istoricheskii obzor*. 4(1). pp. 55–106.

10. Zagurskiy, L.P. (1884) Antropologicheskie izmereniya kavkazskikh narodov, proizvedennye generalom R.F. fon Erkertom i g. Ernestom Shantrom [Anthropological Measurements of Caucasian Peoples, Conducted by General R.F. von Erckert and Mr. Ernest Chantre]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 8(2). pp. 374–381.

11. Semenov, P.P. (ed.) (1896) *Istoriya poluvekovoy deyatelnosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1845–1895* [History of the Half-Century Activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845–1895]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°.

12. Anon. (1906) *Istoricheskii ocherk stoletiya 143 pekhotnogo Dorogobuzhskogo polka. 1806-16/VIII-1906* [Historical Sketch of the Centenary of the 143rd Dorogobuzh Infantry Regiment. 1806-16/VIII-1906]. [S.l.: s.n.].

13. Kabuzan, V.M. (1992) *Narody Rossii v pervoy polovine XIX v. Chislennost' i etnicheskii sostav* [Peoples of Russia in the First Half of the 19th Century. Population and Ethnic Composition]. Moscow: Nauka.

14. Komzolova, A.A. (2020) Natsional'naya identichnost' v statisticheskikh

issledovaniyakh Severo-Zapadnogo kraya Rossiyskoy imperii (1860-e gody) [National Identity in Statistical Studies of the Northwestern Region of the Russian Empire (1860s)]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. 3-2. pp. 496–501.

15. Koyalovich, M. (1864) Vzgl'yad g. Erkerta na Zapadnyuyu Rossiyu [Mr. Erckert's View on Western Russia]. *Russkiy invalid*. 6th(18th) August. pp. 3–4.

16. Koyalovich, M.I. (1864) *Vzgl'yad g. Erkerta na Zapadnyuyu Rossiyu* [Mr. Erckert's View on Western Russia]. [St. Petersburg]: Voennaya tipografiya.

17. Koyalovich, M. (1863) O rasselenii plemen Zapadnogo kraya Rossii. Po povodu izdannogo g. Erkertom (na frantsuzskom yazyke) etnograficheskogo atlasa oblastey, naselennykh splosh' ili otchasti polyakami. Skazano v obshchem sobranii geograficheskogo obshchestva 8 maya 1865 g. [On the Settlement of the Tribes of the Western Region of Russia. Regarding the Ethnographic Atlas of Regions Inhabited Wholly or Partly by Poles, Published by Mr. Erckert (in French). Presented at the General Meeting of the Geographical Society on May 8, 1865]. *Russkiy invalid*. 26th May (7th June). pp. 486–488.

18. Lebedkin, M. (1861) O plemennom sostave narodonaseleniya Zapadnogo kraya Rossiyskoy imperii [On the Tribal Composition of the Population of the Western Region of the Russian Empire]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 3. pp. 131–141.

19. Anon. (1863) Otchet o deystviyakh Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1862 god [Report on the Activities of the Imperial Russian Geographical Society for 1862]. *Russkiy invalid*. 1st(13th) March. pp. 205–206.

20. Report on the activities and status of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1882. *News of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. 1883. Vol. 8. No. 1. Pp. 1–19.

21. Anon. (n.d.) *Ofitsery RIA. 86-y pekhotnyy Vil'manstrandskiy polk* [Officers of the RIA. 86th Infantry Vilmanstrand Regiment]. [Online] Available from: https://ria1914.info/index.php/86-%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%92%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BA (Accessed: 15th October 2025).

22. Petronis, V. (2010) Pinge, divide et impera: vzaimovliyanie etnicheskoy kartografii i natsional'noy politiki v pozdeimperskoy Rossii (vtoraya polovina XIX veka) [Pinge, divide et impera: The Interplay of Ethnic Cartography and National Policy in Late Imperial Russia (Second Half of the 19th Century)]. In: Aust, M., Vulpius, R. & Miller, A. (eds) *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 308–329.

23. Prokopenko Yu.A. (2022) About P. Fedotov and R. Erkert's excavations of Scythian burial mounds in the vicinity of Stavropol in 1881. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*. 5. Circumpontica. Is. IV. pp 155–163. doi: 10 18384/2310-676X-2022-5-155-163

24. Rittikh, A.F. (1864) *Prilozhenie k materialam dlya etnografii Tsarstva Pol'skogo. Gubernii Lyublińskaya i Avgustovskaya* [Appendix to the Materials for the Ethnography of the Kingdom of Poland. Lublin and Augustów Provinces]. St. Petersburg.

25. *Russkiy invalid*. (1846) 19th June. p. 1.

26. *Russkiy invalid*. (1849) 15th April. p. 1.

27. *Russkiy invalid*. (1854a) 15th April. p. 373.

28. *Russkiy invalid*. (1854b) 8th December. p. 1289.

29. *Russkiy invalid*. (1861) 10th September. p. 1.

30. *Russkiy invalid*. (1863a) 19th(31st) May. p. 1.

31. *Russkiy invalid*. (1863b) 2nd(14th) June. p. 1.

32. *Russkiy invalid*. (1863c) 29th December (10th January). p. 1.

33. *Russkiy invalid*. (1864a) 8th(20th) March p. 2.

35. *Russkiy invalid*. (1864b) 26th March (1st April). p. 4.

36. *Russkiy invalid*. (1864c) 31st March (12th April). p. 1.

35. *Russkiy invalid*. (1865a) 24th September (4th October). p. 1.

37. *Russkiy invalid*. (1865b) 17th (29th) October. p. 1.

38. *Russkiy invalid*. (1866a) 30th April (12th May). p. 2.

39. *Russkiy invalid*. (1866b) 31st May (12th June). p. 1.

40. *Russkiy invalid*. (1866c) 12th (24th) July. p. 3.

41. *Russkiy invalid*. (1867a) 20th June (1st July). p. 1.

42. *Russkiy invalid*. (1867b) 14th (26th) August. p. 1.

43. *Russkiy invalid*. (1868) 6th (18th) December. p. 1.

44. *Russkiy invalid*. (1869) 13th (25th) September. p. 2.

45. *Russkiy invalid*. (1872) 13th September. p. 1.

46. *Russkiy invalid*. (1873) 19th April. p. 1.

47. *Russkiy invalid*. (1874) 21st September. p. 1.

48. *Russkiy invalid*. (1875) 14th February. pp. 1–2.

49. *Russkiy invalid*. (1878) 19th November. p. 2.

50. *Russkiy invalid*. (1879a) 14th July. p. 1.

51. *Russkiy invalid*. (1879b) 5th September. p. 4.

52. *Russkiy invalid*. (1881) 17th February. p. 1.

53. *Russkiy invalid*. (1883) 16th May. p. 1.

54. *Russkiy invalid*. (1884) 9th June. p. 1.

55. Sementovskiy, A.M. (1872) *Etnograficheskiy obzor Vitebskoy gubernii* [Ethnographic Review of the Vitebsk Province]. St. Petersburg: Tipografiya M. Khana.

56. *Senatskie vedomosti*. (1857) 19th February. p. 158.

57. *Senatskie vedomosti*. (1863) 22nd February. p. 42.

58. *Senatskie vedomosti*. (1866) 4th February. p. 44.
59. *Senatskie vedomosti*. (1871) 26th February. p. 83.
60. *Senatskie vedomosti*. (1874) 15th February. p. 54.
61. *Senatskie vedomosti*. (1876) 19th November. p. 612.
62. *Senatskie vedomosti*. (1881) 29th December. p. 2.
63. Anon. (1899) *Spisok vysochayshim osobam, generalam, shtab i oberofitseram, sostoyashchim i chislyashchimsya v Leyb-gvardii Moskovskom polku s 7 noyabrya 1811 goda po 2 yanvaryu 1900 goda* [List of the Highest Persons, Generals, Staff and Chief Officers, Serving and Listed in the Life Guards Moscow Regiment from November 7, 1811 to January 2, 1900]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya tipolitografiya.
64. Anon. (1883) *Spisok generalam po starshinstvu. Ispravleno po 1-e yanvaryu 1883* [List of Generals by Seniority. Corrected as of January 1, 1883]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
65. Anon. (1864) *Spisok polkovnikam po starshinstvu. Ispravleno po 3-e iyunya [1864 g.]* [List of Colonels by Seniority. Corrected as of June 3, [1864]]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
66. Sulyak, S.G. (2025) Aleksandr F. Rittikh (1831–1915) – the life and works of a Russian general, Slavophile, and his research on Carpathian Rus'. *Rusin*. 81. pp. 53–126. doi: 10.17223/18572685/81/4
67. Erkert, R.F. (1881) Antropologicheskie izmereniya nekotorykh kavkazskikh narodov i malorossov Khar'kovskoy gubernii [Anthropological Measurements of Some Caucasian Peoples and Little Russians of the Kharkiv Province]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 7(1). pp. 129–147.
68. Erkert, R.F. (1883) Antropologicheskie izmereniya kavkazskikh narodov i opisaniye izmerennykh sub'ektov (prodolzheniye) [Anthropological Measurements of Caucasian Peoples and Description of the Measured Subjects (Continuation)]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 8(1). pp. 47–73.
69. Erkert, R. (1864) *Vzglyad na istoriyu i etnografiyu zapadnykh guberniy Rossii (S atlasom)* [A View on the History and Ethnography of the Western Provinces of Russia (With an Atlas)]. St. Petersburg: Tip. Doma prizreniya maloletnikh bednykh.
70. Erkert, R.F. (1881) Dobavlenie k antropologicheskim izmereniyam nekotorykh kavkazskikh narodov (pomeshchyonnym v 1-m vyp. VII toma "Izvestiy Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva") [Addendum to the Anthropological Measurements of Some Caucasian Peoples (Published in Issue 1 of Volume VII of the "News of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society")]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 7(2). pp. 268–274.
71. Potemkin, E.L. (ed.) (2019) *Biograficheskiy slovar'. Vysshie chiny Rossiyskoy*

imperii (22.10.1721–2.03.1917) [Biographical Dictionary. The Highest Ranks of the Russian Empire (22.10.1721–2.03.1917)]. Vol. 4. Moscow: [s.n.]. p. 603.

72. Erkert, R.F. (1863) *Etnograficheskiy atlas zapadnorusskikh guberniy i soseidnikh oblastey* [Ethnographic Atlas of the Western Russian Provinces and Adjacent Regions]. St. Petersburg: [s.n.].

73. Yusupov, Kh.A. (2016) Osnovnye etapy izucheniya darginского yazyka [Main Stages of the Study of the Dargin Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 4(58). pp. 162–164.

74. Neroznak, V.P. (ed.) (2002) *Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Languages of the Peoples of Russia. Red Book. Encyclopedic Reference Dictionary]. Moscow: Academia.

75. d'Erkert, R. (1863) *Atlas ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais*. St. Pétersbourg: [s.n.].

76. Erckert, R. (1901) Der russische Generalleutnant a. D. Roderich v. Ercker. *Globus; illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde*. 79. p. 67.

77. Erckert, R. von. (1882) *Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen*. Berlin: Ferd. Dümmers Verlagsbuchhandlung.

78. Erckert, R. von. (1883) Ein Kurgan bei Stavropol. *Zeitschrift für Ethnologie*. 15. pp. 171–179.

79. Erckert, R. von. (1885) Die Mauer von Derbend. *Zeitschrift für Ethnologie*. 17. pp. 55–59.

80. Erckert, R. von. (1887) *Der Kaukasus und seine Völker*. Leipzig: [s.n.].

81. Erckert, R. von. (1895) *Die Sprachen des Kaukasischen Stammes*. Bände 1-2. Wien: Alfred Hölder.

82. Erckert, R. von. (1901) *Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen*. Berlin: Mittler.

83. Bettelheim, A. (ed.) (1903) *Biographisches Jahrbuch und Deutscher Nekrolog*. Band. V. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer. p. 74.

84. Anon. (1929) *Wielka ilustrowana encyklopedia powszechna*. Vol. 4. Kraków: Wydawnictwo Gutenberga. p. 282.

85. *Das Deutsche Literaturarchiv Marbach (DLA)*. [Online] Available from: https://www.dla-marbach.de/find/opac/id/PE00427204/?tx_find_find%5Baction%5D=detail&tx_find_find%5Bcontroller%5D=Search&cHash=5641a5c43f48912d2ced7bf55a643981 (Accessed: 12th September 2025).

86. Erckert, R. von. (1862) *Carte Ethnographique de l'Empire de Russie par R. von Erckert, membre effectif de la Société géographique impériale de Russie, dessinée par H. Kiepert à Berlin*. Gravée et imprimée en chromolithographie par C. Monecke à Berlin.

87. Erckert, R. von. (1900) Leider hat die Gesellschaft am 12. November eines ihrer treuesten und fleissigsten Mitglieder, den General-Lieutenant Roderich v.

Erckert. *Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte.* 32. p. 577.

88. Much, R. (1903) Deutsche Stammeskunde. von Erckert R. Wanderungen und Siedelungen der germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Großen (Richard Loewe). *Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanische Sprach-und Altertumskunde.* 14. pp. 17–24.

89. Pauly, Th. de. (1862) *Les peuples de la Russie. Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'empire de Russie.* Tome 1. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard.

90. Pauly, Th. de (1862) *Les peuples de la Russie. Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'empire de Russie.* Tome 2. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru